

ЗА СЧАСТЬЕМ,
ЗОЛОТОМ
И СЛАВОЙ

К. М. Станюкович

**ПОХОЖДЕНИЯ
ОДНОГО
МАТРОСА**

Константин Станюкович

Похождения одного матроса

«Public Domain»

Станюкович К. М.

Похождения одного матроса / К. М. Станюкович — «Public Domain»,

Морскими рассказами и повестями выдающегося русского писателя Константина Михайловича Станюковича (1843-1903) одинаково зачитываются безусые юноши, мечтающие о далеких плаваниях, и убеленные сединами мужчины. Писатель-реалист показал русских матросов и офицеров во всем их мужестве и бесстрашии, во всем чисто русском, неосознанном гуманизме, во всей чистоте прекрасной и честной души, во всей беззаветной любви к родному кораблю и русскому флоту – в любви, рождающей крепчайшее морское товарищество, штормовое и боевое. В настоящей книге повествуется о необыкновенных приключениях русского матроса, волею случая оставшегося на чужом американском берегу без товарищей, без денег, без языка. Повесть не переиздавалась почти четыре десятилетия.

© Станюкович К. М.

© Public Domain

Содержание

ЧАСТЬ I	5
ГЛАВА I	5
1	5
2	6
ГЛАВА II	8
1	8
2	9
3	13
4	14
ГЛАВА III	19
1	19
2	21
ГЛАВА IV	25
1	25
2	27
ГЛАВА V	32
1	32
2	33
ГЛАВА VI	36
ГЛАВА VII	40
1	40
2	44
ГЛАВА VIII	47
1	47
2	49
3	51
ГЛАВА IX	55
1	55
2	61
ГЛАВА X	64
1	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Константин Михайлович Станюкович

Похождения одного матроса

Подлинная история из далекого прошлого

Посвящается ТОЛЕ ФОКИНУ

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

1

В конце октября 185* года на большом сан-францисском рейде стоял русский военный паровой клипер «Проворный». Он находился уже год в кругосветном плавании, в составе эскадры Тихого океана, и был послан в Сан-Франциско с особым поручением адмирала.

Небольшой, весь черный, с золотою полоской вокруг, с красивыми линиями обводов, высоким рангоутом и белоснежной трубой, «Проворный» был один из изящных и щегольских судов среди нескольких военных и многих купеческих, стоявших на рейде под флагами всевозможных наций.

В один из чудных дней, солнечных, теплых и полных бодрящей свежести, какие не редки позднею осенью в благодатной Калифорнии, часа за два до обеда на «Проворном» было парусное учение. Клипер то одевался внезапно во все свои паруса, то столь же быстро снова оставался с оголенными мачтами. Все это делалось со скоростью, изумительной даже для педанта моряка прежнего времени, и, разумеется, среди мертвой тишины, нарушаемой только ругательными окриками старшего офицера, командовавшего авралом, да сдержанною бранью боцманов.

Действительно, матросы работали словно бешеные, надрываясь изо всех сил и не думая, казалось, что малейшая неосторожность, малейший зевок и смельчак сорвется с реи, шлепнется с высоты на палубу, разmozжит себе голову и более уж никогда не встанет, а не то упадет за борт, и хорошо еще, если в тихую погоду, когда возможно спасение.

Глядя на эту лихорадочность работы, на эти напряженные испуганные лица надрывающихся людей, которые с отвагой, ни для кого и ни для чего не нужной, рисковали жизнью, сразу чувствовалось и понималось, что эти люди надрываются из-за страха.

Матросы работали как бешеные не потому, что хотели отличиться, а потому, что боялись офицеров и главным образом этого высокого, худого, рыжеватого лейтенанта с возбужденными, серыми, маленькими глазками и пожилого низенького толстяка с бульдожьим лицом, окаймленным черными засевшими бакенбардами.

Оба они – и старший офицер и капитан – сосредоточенные, с суровыми лицами, стояли на мостике и зорко наблюдали за учением, на котором в эту минуту, казалось, сосредоточились все их помыслы. По временам и тот и другой взглядывали на часы, чтобы проверить, сколько минут продолжался тот или другой маневр.

Еще бы матросам не надрываться!

Они уже год как «мотыжились», по их выражению, на «Проворном» и отлично знали, что за малейшее опоздание в работе, за недосмотр, хотя бы и невольный, по службе их ожидает лаконический возглас: «На бак!» – что значило наказание линьками.

В те далекие времена во флоте еще царила строгость, доходившая нередко до жестокости.

Капитан и старший офицер «Проворного», оба отличные моряки и по натуре вовсе даже не злые люди, тем не менее, согласно взглядам большинства моряков того времени, считали словно бы своею обязанностью быть беспощадно строгими с матросами. И, закаливши смолоду свои нервы на службе, они действительно были беспощадны, особенно старший офицер, искренно убежденный, что только суровыми наказаниями можно выдрессировать матроса и сохранить в полной неприкосновенности суровую морскую дисциплину.

2

После того как несколько раз ставили и крепили паруса, старший офицер скомандовал:
– Марселя менять!

Эта работа, состоявшая в том, что надо было снять паруса с рей и привязать на их место другие, принесенные из шкиперской каюты, была «коньком» старшего офицера. Нечего и говорить поэтому, как старались на обоих марсах. Но грот-марсовые на этот раз отстали от фор-марсовых: эти переменили марсель в восемь минут, а грот-марсовые в десять.

На целых две минуты разницы.

К общему удивлению, старший офицер даже не выругался, а только значительно потряс кулаком на грот-марс.

– Ну и здоровая же будет сегодня лупцовка, братцы! – прошептал на марсе пожилой и с виду «отчаянный» фор-марсовый Кирюшкин.

Кирюшкин проговорил эти слова с философским равнодушием, казалось бы несколько удивительным, по крайней мере в человеке, не сомневавшемся в предстоящей «лупцовке». Но он недаром считался «отчаянным». Часто наказываемый за неумеренное пьянство на берегу, он ожесточился и считал ниже своего достоинства выказывать страх.

Все марсовые, бывшие на марсе в ожидании команды «С марсов долой!» – выслушали Кирюшкина в угрюмом молчании, с видом покорной подавленности.

Только один молодой матросик, бывший на службе всего второй год, небольшого роста, худощавенький и «щуплый», как говорили про него матросы, характерно определяя его тонкую, недостаточно, казалось, крепкую, статную фигурку, внезапно стал блее рубашки, и взгляд его больших серых, необыкновенно добродушных глаз остановился на Кирюшкине с выражением ужаса и страха.

– Разве будут драть? – испуганно спросил матросик.

– А ты, Чайкин, думал, по чарке водки дадут! – насмешливо ответил Кирюшкин. – Небось форменно отполируют. «Долговязый» шутить не любит.

– И всех?

– Обязательно... Чтоб никому не было обидно!.. Да ты что нюни-то распустил с перепуги? А еще матрос! – сердито промолвил Кирюшкин.

– Чайкина еще никогда не драли. Ему и боязно! – заметил кто-то.

– А может, Иваныч, нас драть не будут?

– Небось будут! – уверенно и спокойно проговорил Кирюшкин.

Но, взглянув на испуганное лицо молодого матроса, прибавил почти что ласково:

– Да ты не обескураживайся, Чайкин... Не стоит! Много «Долговязый» не назначит.

В эту минуту с мостика раздалась команда:

– С марсов и салингов долой!

– Вот сейчас и учению конец и шлифовка будет! – словно бы довольный ее близостью, проговорил Кирюшкин и вместе с другими стал спускаться бегом по вантам.

Действительно, учение скоро окончилось, и старший офицер, подозвав боцмана, сказал:

– Грот-марсовых на бак! Двух унтер-офицеров с линьками!

– Есть, ваше благородие!

Боцман отошел от мостика и, направляясь на бак, крикнул:

– Грот-марсовые на бак!

А Кирюшкин тем временем говорил двум унтер-офицерам:

– Чайкина пожалейте, братцы: он щуплый.

Через минуту-другую среди внезапно наступившего на клипере угрюмого молчания кучка грот-марсовых выстроилась на баке с Кирюшкиным на фланге.

Вслед за тем пришел старший офицер.

При виде этой кучки людей он почувствовал злобу к ним, как к виновникам того, что «Проворный», так сказать, «опозорился», а вместе с ним и он, старший офицер, у которого могли на две минуты опоздать с переменою марселя. В его глазах это казалось ужасным, и долг службы требовал, чтобы были наказанные. Но так как трудно было разобрать, по чьей именно вине вышла заминка, то наказаны должны быть все, не исключая и марсового старшины.

Чайкин смотрел перед собою в каком-то оцепенении от страха. Выражение ужаса застыло в его больших глазах с расширенными зрачками. Он по временам вздрагивал всем своим тщедушным телом. И побелевшие, трясущиеся его губы неслышно шептали одни и те же слова:

– Господи Иисусе, пресвятая богородица! Господи Иисусе, пресвятая богородица!

И в голове его внезапно пронеслись воспоминания о далекой деревне, где ему было так хорошо и где его никогда не секли и дома редко били. Он был всегда старательный, работающий парень. И на службе, кажется, старается, из кожи лезет вон.

Молодой матросик отвел взор.

О господи, как было хорошо кругом!

Солнце, ослепительное и жгучее, так весело глядело сверху, с высоты бирюзового далекого неба, на котором ни облачка, и заливало блеском и город, сверкавший своими домами и зеленью на склоне горы под пиками сиер, и большой рейд с кораблями и сновавшими пароходиками и шлюпками, и кудряво-зеленые островки, и палубу «Проворного», играя лучами на пушках, на меди люков и кнехтов и на обнаженном теле Кирюшкина. Звуки музыки, веселые, жизнерадостные, доносились с большого белого двухэтажного, полного пассажирами парохода, который проходил невдалеке, направляясь из Сан-Франциско к одному из зеленых островов в глубине бухты. Белоснежные чайки реяли в воздухе и весело покрикивали, гоняясь одна за другою.

Все кругом жило, радовалось, сверкало под горячими лучами солнца, и все это представляло собой резкую противоположность тому злему, жестокому и страшному, что должно было сейчас произойти на баке «Проворного».

Молодой матрос почувствовал это, и тоска, щемящая, жуткая тоска охватила его замирающее от страха сердце.

И он снова зашептал:

– Господи Иисусе! Пресвятая богородица!

ГЛАВА II

1

Дня через два, тотчас же после обеда, боцман засвистал в дудку и, нагнувшись над люком жилой палубы, крикнул:

– Вторая вахта на берег! Живо!

Но о «живости» нечего было и говорить. Обрадованные, что урвутся на берег и хоть несколько часов будут в другой обстановке, матросы второй вахты торопливо мылись, брились, надевали чистые рубахи и сапоги и доставали из своих чемоданчиков деньги.

Кирюшкин сунул в карман штанов единственный имевшийся у него доллар, предвкушая удовольствие весь его пропить. Чайкин, не пивший своей ежедневной казенной чарки и получавший за нее деньги, бережно завязал в угол платка английский золотой и, кроме того, спрятал в карман еще два доллара – все свои капиталы, рассчитывая на берегу купить себе фуфайку, две матросские рубахи, нож и какой-нибудь гостинец, в виде платка, для матери. Он был ее любимцем и не забыл еще материнских ласк, не забыл беспредельного горя старухи, когда ее Васютку взяли в рекруты. В прежние времена служба солдата и матроса была долгая, двадцать пять лет, и потому матери, расстававшиеся с сыновьями-солдатами, прощались с ними навсегда. Больше не для кого было Чайкину припасать гостинцы в деревню: жена его умерла за месяц до того, как его взяли на службу; отца тоже в живых не было, два брата жили в городе, и Чайкин их почти не знал.

Рассчитывал Чайкин тоже и походить по городу, посмотреть на людей, которые, по рассказам старых матросов, прежде бывавших в Сан-Франциско, живут вольно и хорошо, и погулять в городском саду. Один земляк-матрос, ездивший на берег в первой смене, рассказывал Чайкину что там очень хорошо и музыка играет, и Чайкин, большой охотник слушать музыку, хотел непременно побывать в саду, если найдет его. Вином молодой матрос еще «не занимался». Он хмелел после двух-трех рюмок водки и, главное, очень боялся вернуться на клипер в пьяном виде. Хотя взыскивали только с тех матросов, которые напивались до того, что их приходилось со шлюпки поднимать на клипер на веревке, но все-таки Чайкин остерегался. Однако стакан-другой пива он рассчитывал выпить. А то какая же иначе гулянка!

– Ну, что, Вась, собрался? – спросил Кирюшкин, подходя к молодому матросу, принарядившемуся для «берега».

– Да, Иваныч, любопытно съездить...

– Скажу я тебе, Чайкин, матрос ты во всем форменный, а линьков боишься, дух в тебе трусливый. Тебе бы на «Голубчике» служить: там другое положение, там, Вась, командир жалостливый. Тебе, по твоему виду, надо у жалостливых командиров служить, вот что. А завтра меня опять отдерут! – усмехнувшись, неожиданно прибавил Кирюшкин.

– За что?

– А за то, что я сегодня напьюсь! Вот за что!

– Ты бы, Иваныч, полегче! – робко и в то же время сердечно промолвил Чайкин, благодарный Кирюшкину за его заступничество два дня тому назад.

Эти участливые слова молодого матроса, эти кроткие, благодарные глаза тронули бесшабашного пропойцу. И он, постоянный ругатель, не говоривший почти ни с кем ласково и готовый облатать всякого, не только не рассердился на замечание Чайкина и не обругал его, а напротив, взгляд его темных глаз, обыкновенно суровый, теперь светился нежностью, когда он, понижая голос, проговорил:

– То-то, никак невозможно, Вась. Такая есть причина! А тебе я любя скажу: не приучайся ты к этому самому винищу, не жри его... Ну, а я...

Он не закончил речи, как-то горько усмехнулся и, снова принимая свой ухарский вид, прибавил:

– Однако нечего ласы точить. Валим, Чайкин, наверх!

Когда матросы были готовы и поставлены во фронт, старший офицер стал перед фронтом и сказал:

– К семи часам быть на пристани. В половине восьмого баркас отвалит. Кто опоздает и вернется на вольной шлюпке, тот получит сто линьков и в течение двух месяцев не будет отпущен на берег... Слышите?

– Слушаем, ваше благородие! – отвечали матросы.

– Ну, а ты, Кирюшкин, помни, – продолжал старший офицер, подойдя вплотную к Кирюшкину, – если опять напьешься, под суд отдам... Сгниешь в арестантских ротах... Не забудь этого, разбойник!

– Есть, ваше благородие! Буду помнить! – угрюмо отвечал Кирюшкин.

– Уж на этот раз не пожалею... – еще раз предупредил старший офицер, который, несмотря на отчаянность Кирюшкина, все-таки ценил в нем лихого марсового и ради одного этого не отдавал его под суд, чтобы не лишиться такого отличного матроса.

В том, что Кирюшкин и сегодня вернется в виде мертвого тела и что обещание отдать его в арестантские роты не будет приведено в исполнение, не возникало у старшего офицера ни малейшего сомнения.

Наказав боцману второй вахты следить, чтобы «эта скотина» по крайней мере не пропила штанов и фуражек и не вернулась на клипер в чем мать родила, старший офицер отдал распоряжение сажать людей на баркас.

Минут через пять баркас, полный матросами, отвалил от борта. На баркасе был молодой мичман, посланный на берег для наблюдения за гуляющими и для сбора их на шлюпку к назначенному сроку. В помощь мичману было два унтер-офицера.

2

Чайкин просто-таки разинул рот от изумления, когда ступил на набережную.

Лес мачт кораблей и пароходов, ошвартованных в гавани у берега, нагрузка и выгрузка товаров какими-то странными для Чайкина людьми, похожими на господ, а не на рабочих – до того костюмы отличались от тех, что видел Чайкин в Кронштадте, – оживление на набережной, толпа хорошо одетых «вольных людей»¹ и матросов с купеческих кораблей, среди которой не было ни одного оборванца, поливальщик улиц с кишкой брандспойта, одетый как барин, в черный сюртук и с цилиндром на голове, извозчик, читающий газету, продавец газет, здоровающийся за руку с какой-то разодетой дамой в коляске, ряд лавок и кабаков, из которых неслись звуки музыки, что-то независимое и свободное в манерах, в походке, в выражении лиц всех этих людей, начиная с маленького мальчишки, чистильщика сапог, и кончая стоящим на тротуаре с засунутыми в карманы штанов руками и сплевывающим себе под ноги с таким видом, будто и черт ему не брат, – все это поражало наблюдательного молодого матроса.

И, обращаясь к одному из двух матросов, с которыми согласился, чтобы вместе идти в лавки и погулять по городу, он воскликнул:

– И чудно здесь... Вовсе чудно, Артемьев! И совсем простого народа не видать... Все господа больше.

¹ Матросы называют «вольными людьми» людей, одетых в статское платье. (Примеч. автора.)

Артемьев, земляк Чайкина и из одной деревни, основательный и степенный матрос лет под сорок, ходивший уже раз в «дальнюю» (так матросы называют кругосветные плавания) и бывавший в Сан-Франциско, проговорил:

– Тут, брат, и не отличить, который господин, а который простого звания, все, значит, на один фасон, и все равны... Президент у них – вроде будто, значит, короля ихнего – прямо-таки из низкого звания, дровосеком был...

– Диковина! – изумлялся Чайкин.

Все три матроса стояли на набережной, глаза по сторонам.

В эту минуту проходила какая-то девочка-подросток через толпу, и Чайкин обратил внимание, как мужчины почтительно расступались перед нею, давая ей дорогу.

– Должно, какая-нибудь генеральская дочь, что так ее уважают! – заметил Чайкин, удивленный таким отношением, – а ведь вовсе даже просто одета.

– Какая генеральская?.. Тут и генералов-то нет! – несколько презрительно возразил Артемьев. – А у мериканцев, братец ты мой, такое положение, чтобы, значит, женский пол уважать и не смей бабу обидеть... Слова дурного ей не скажи, а не то что вдарить... Совсем другой народ эти мериканцы. Вот только негрою брезгуют, точно не все у бога люди равны! – недовольно прибавил Артемьев. – Однако что стоять, валим, братцы! Наши-то все по салунам разбрелись...

– Это какие же салуны?

– А так здесь кабаки прозываются. У нас кабак, а здесь салун... Ну и много чище наших будут. Ужо зайдем.

Действительно, большая часть съехавших на берег матросов, разбившись по кучкам, уже разошлась по ближайшим кабачкам, которых было множество тут же на набережной. Знакомством с ними и ограничится знакомство большинства матросов с Сан-Франциско. Пьяный разгул, пьяные песни, нередко драки с матросами-иностранцами – вот единственные развлечения матросов прежнего далекого времени.

И у кого поднимется рука, чтобы кинуть в них камень осуждения? У кого хватит духу обвинить этих тружеников моря, этих покорных рыцарей тяжкого долга, этих простых, темных людей, которые в дурмане спиртных напитков ищут веселья и радостей, ищут забвения действительности, далеко к ним не ласковой.

Кирюшкин, ни в одном из иностранных портов, посещенных «Проворным», дальше ближайшего в них кабака ни разу не заходивший и потому, вероятно, находивший, что «заграница ничего не стоит» и что русская водка лучшая в свете, уже сидел в одном из самых плохоньких кабачков за столиком у окна в компании трех таких же отчаянных пьяниц с «Проворного», каким был и сам.

Выпивший для начала большой стакан крепчайшего рома одним махом, чем заставил негра «боя» (слугу) вытаращить глаза от изумления, Кирюшкин выразительными пантомимами потребовал бутылку того же напитка и, разлив его по стаканам, любовно цедил из своего стакана, перекидываясь отрывистыми словами с товарищами.

– Куда, Вась? – окликнул он проходившего мимо Чайкина.

Три матроса остановились у окна.

– В город погулять, Иваныч. И кое-что купить в лавках.

– Правильно, матросик. Иди гуляй как следует, честно и благородно... И винища этого лучше и не касайся... А уж я выпью за твое здоровье... чтоб ты цел остался... Ты – парнишка душевный, и я, брат, тебя люблю... Жалостливый...

И с этими словами Кирюшкин опорожнил стакан.

– Прощай, Вась... Ужо завтра будут меня форменно шлифовать, так, может, в лазарет снесут, так ты зайди...

– Зайду, Иваныч... А пока что прощай!

Минуту спустя Чайкин раздумчиво проговорил:

– А и жалко, Артемьев, человека.

– Это ты про Кирюшкина?

– То-то, про него.

– Сам виноват. Не доводи себя до отчаянности, не пей безо всякой меры. Пропавший вовсе человек. И быть ему в арестантских ротах! – строго проговорил Артемьев.

Молодому матросу показалось, что все, что говорил Артемьев, может быть и справедливо, но это суждение не нашло отклика в его добром сердце. Виноват не виноват Кирюшкин, а все-таки его жалко.

И он спросил:

– А старший офицер отдаст его в арестантские роты, Артемьев?

– Навряд. А что завтра снесут его после порки в лазарет, это верно.

– И Кирюшкин так полагает. Зайти к нему в лазарет просил.

Вскоре три матроса, держась за руки, вышли на большую улицу Montgomery-street и пошли по ней, глаза на высокие большие дома, сплошь покрытые объявлениями, на роскошные гостиницы, на витрины блестящих магазинов, на публику.

Они долго бродили по улицам и, наконец, зашли в одну из лавок, попроще на вид, сняли шапки и робко остановились у прилавка.

Черноватый приказчик с цилиндром на голове, жевавший табак, вопросительно посмотрел на русских матросов.

– Спрашивай, Артемьев, насчет рубах. Ты знаешь по-ихнему! – заметил Чайкин.

– То-то, забыл, как по-ихнему рубаха... А знал прежде.

Но сообразительный янки вывел матросов из затруднения. Он тотчас же достал несколько матросских рубах, штанов, фуфаяк, башлыков и все это бросил на прилавок перед матросами.

Они весело закивали головами.

– Вери гут... Вери гут... ² Вот это самое нам нужно. Догадливый, братцы, мериканец! – говорил Артемьев.

– А как цену узнаем? – спросил Чайкин.

И об этом догадался янки.

Он показал рукой на башмаки и поднял три пальца, показал на рубахи и поднял палец и потом половину его, тронул фуфайку и поднял один палец.

Все это он проделал быстро, с серьезным видом и затем отошел к витрине и стал смотреть на улицу, не обращая ни малейшего внимания на покупателей.

– Значит, три доллара, полтора и один. А доверчивый! Другой придет и стянет что у такого купца! – заметил Артемьев.

– Видно, полагается на совесть, – промолвил Чайкин.

Матросы стали рассматривать вещи с тою внимательностью, с какою это делают простолюдины, для которых дорога каждая копейка и которые поэтому с подозрительною осторожностью приступают к покупке. Они ощупывали ткань, подносили вещи к свету, рассматривали на башмаках подошвы и гвозди.

– Товар, братцы, хороший. Только надо поторговаться. Мусью! – поднял голос Артемьев. Янки подошел, и между ними произошла такая мимическая сцена.

Артемьев, указывая на башмаки, показал два пальца.

Приказчик, не говоря ни слова, отрицательно мотнул головой.

Тогда Артемьев показал еще четверть пальца, наконец половину.

² Очень хорошо... Очень хорошо... (англ. very good).

Результат был тот же самый. То же было, когда Артемьев мимикой давал дешевле назначенной цены за рубахи и фуфайки. Янки отрицательно махнул головой.

– Не уступает. Валим в другие лавки! Может, вернет!

И матросы пошли к дверям, но приказчик и не думал ворочать покупателей.

Они вышли на улицу, и Чайкин сказал:

– Не по-нашему вовсе... Чудно... Без запроса!

Побывавши в нескольких лавках и убедившись, что везде спрашивали такую же цену (ни центом более или менее), матросы возвратились в первую лавку, где приказчик показался им самым понятливым и обходительным, и после нового тщательного осмотра и примерок вещи были куплены.

Чайкин отдал фунт. Приказчик сперва бросил золотой на прилавок и, когда раздался звон удовлетворительный, показавший, что монета не фальшивая, он положил золотой в кассу и отдал Чайкину несколько серебра вместе со счетом, в котором было, между прочим, обозначено, сколько долларов дали за золотой.

Чайкин смотрел на счет, ничего не понимая. Однако спрятал счет в карман и при помощи Артемьева не без труда рассчитал, верно ли ему разменяли золотой, не надул ли американец. Оказалось, что совершенно верно, и Чайкин удовлетворенно проговорил:

– Видно, здесь торговцы на совесть... Не то что в Кронштадте.

Когда они вышли из лавки на улицу, Артемьев сказал:

– Теперь куда, братцы?

И, не дожидаясь ответа, прибавил:

– Теперь в самый бы раз по шкалику раздавить да пивом побаловаться. Небось устали мы, шлямшись по городу.

– В сад бы! – промолвил Чайкин.

Но оба его спутника запротестовали.

– В сад потом, а теперь гайда в салун!

Зашли в маленький салун, в ближнем переулке. Небольшая комната, пол которой был усыпан опилками, полна была народу. Две молодые служанки разносили гостям, сидящим за маленькими столиками, рюмки с ромом, стаканы с хересом, кружки пива и другие напитки. На одном из столиков двое мужчин в широкополых шляпах (сомбреро) играли в кости.

Наши матросы конфузливо озирались среди шума и гама, стоявших в кабачке. Но одна из служанок тотчас же к ним подошла и указала им на свободный столик и, когда матросы уселись, спросила их по-английски, что им принести.

– Ром... вери гут... два стаканчика побольше... вери гут, а ему бир³ кружку... вери гут... Понимаешь, голубушка? – приказывал Артемьев, распоряжаясь своим «вери гут» довольно расточительно.

Но, к его удивлению служанка сказала на понятном для матросов языке:

– Русский будет?

– То-то, русские! – обрадованно воскликнули все трое. – А вы нешто российская?

– Мой Чехии, тоже славян...

Хотя ни один из матросов и не имел понятия о Чехии и не знал, откуда родом служанка, тем не менее они очень были рады встретить на чужбине человека, понимающего по-русски.

– И как вы сюда попали? – спрашивал Чайкин.

Чешка торопливо отвечала на родном своем языке, и матросы могли понять, что она переселилась с отцом и матерью три года тому назад с родины, которая далеко-далеко.

³ Пива (нем. das Bier).

Матросы не прочь были поговорить со служанкой подольше, но она, махнув головой в сторону стойки, где восседала крупная пожилая дама, сказала, что ей некогда, и скрылась в толпе.

– Тоже и ихняя нелегкая служба! – проговорил Чайкин, поглядывая как шмыгали служанки, подавая посетителям то то, то другое.

– А сюда со всех концов света бегут! – заметил Артемьев.

– По какой такой причине?

– Жизнь вольная. И опять же золото, копей кто хочет... Только русские не бегут!

– Не бегут?

– Любят свою землю, потому и не бегут. И опять же: надо лопотать по-ихнему.

– А вот тоже эта девушка не знала по-ихнему, а поди научилась...

Служанка в эту минуту поставила на стол перед матросами два стаканчика рома и кружку пива.

– А вы еще, мамзель, два стаканчика и две кружки пива... Вот Чайкин этим не занимается!.. Так только куражится! – заметил Артемьев.

Однако Чайкин спросил себе и вторую кружку и попивал пиво, наблюдая публику.

Время между тем шло, а товарищи Чайкина, казалось и не думали собираться.

– А что же, братцы, в сад погулять?

Но спутники Чайкина решительно запротестовали.

Тогда Чайкин отправился один, рассчитывая, что на память скоро найдет сад, мимо которого проходил несколько времени тому назад.

3

И действительно, скоро нашел он городской сад и направился по большой, густой аллее, восхищенный видом высоких густолиственных деревьев и цветочными клумбами. Ему необыкновенно было приятно после неизменного моря да моря увидеть эту роскошь зелени и цветов. И он жадно вдыхал напоенный ароматом воздух.

Из глубины сада вдруг донеслись звуки музыки.

Обрадованный Чайкин заторопился и через несколько минут дошел до небольшой лужайки, где на эстраде играл оркестр. Кругом лужайки стояли в несколько рядов скамейки, на которых сидела самая разнообразная публика: и нарядные дамы и мужчины, и очень скромно одетые.

Чайкин заметил маленькую боковую аллею, направился туда и сел на скамью. Там ни души не было, и он стал слушать.

Он любил музыку, и у него была музыкальная душа. Давно зародилась в нем эта любовь к звукам. Еще в детстве, когда он служил казачком в помещичьем доме, он, бывало, весь замирая, слушал у дверей игру на фортепиано одной из дочерей своего барина. Потом, когда помещик бросил имение и переселился в Москву, а Чайкин вернулся к матери, он долго еще вспоминал эти счастливые часы своей юношеской жизни, когда что-то словно подхватывало его и уносило далеко от действительности в мир каких-то грез.

И теперь он весь отдавался звукам, испытывая то приятно ласкающее и вместе с тем грустное настроение, которое дает музыка нервным людям с восприимчивыми нервами... И – господи – как тоскливо сделалось этому молодому матросу, когда он, очнувшись, вспомнил о недавнем наказании. Физическое страдание прошло, но при воспоминании он снова чувствовал позор и унижение. И впереди еще целых два года этой жизни, полной трепета и страха.

Опять заиграла музыка, играла еще и еще, и Чайкин все слушал да слушал. И не хотелось ему уходить. А время шло.

Вдруг мысль, что он может опоздать на шлюпку и что тогда ему дадут сто линьков, вывела молодого матроса из его приподнятого душевного настроения и наполнила душу страхом. Он вскочил со скамейки и почти побежал вон из сада.

Выйдя на улицу, он испуганно озирался. Куда идти: направо или налево? Он не мог ориентироваться, и страх опоздать сбивал все его соображения.

И он торопливо направился в сторону, противоположную тому направлению, по которому ему надо было идти. Где-то пробило три четверти седьмого. Чайкин прибавил шагу, не догадываясь, что идет не к пристани, а от пристани.

Однако Чайкин спустя некоторое время заметил, что дома будто бы не те, какие он видел на этой же улице раньше, и усомнился: туда ли идет? Но кого спросить и как спросить, когда не знаешь чужого языка?

Чайкин остановился на одном перекрестке. Уже смеркалось. Он посмотрел направо и налево и в полумраке наступившего вечера увидал часть бухты, и тогда для него стало ясно, что он идет не туда.

В ужасе Чайкин повернул назад бегом по освещенной уже улице, всматриваясь испуганными глазами вперед: не увидит ли он своих с клипера. Но на улице все чужие лица.

Он выбрался на большую улицу, где сверкали ярко освещенные витрины магазинов. По этой улице он спускался под гору. Кажется, он идет правильно и шел раньше по этой улице? Вот и спуск к набережной... И Чайкин побежал со всех ног, точно за ним гнались, обезумевший от страха и с трудом переводя дыхание. Вот и ряд освещенных салунов, откуда раздаются звуки музыки. Напротив лес мачт с огоньками на них...

Чайкин добежал до пристани. Баркаса с «Проворного» нет, и своих нет, В ту же минуту на судах раздались удары колоколов. Чайкин считал число ударов и замер в страхе. Было восемь часов. Он опоздал.

Что делать?

Ехать немедленно на вольной шлюпке? Но при мысли о наказании, ожидающем его на клипере, молодой матрос в ужасе вздрогнул. Он знал, что пощады не будет. А ехать надо. Не оставаться же здесь в чужом городе одному... Пропадешь совсем...

Чайкин почувствовал весь ужас своего положения и горько заплакал.

4

В эту минуту какой-то человек незаметно подошел к матросу, пристально посмотрел на него и, отойдя несколько шагов, остановился, не спуская глаз с Чайкина.

Свет фонарей у пристани захватил высокую и совсем худую фигуру очень плохо одетого человека со старым, сморщенным лицом, черты которого, и в особенности характерный крючковатый нос, обличали еврейское происхождение.

Прошло несколько минут. Чайкин вытер слезы и тоскливо смотрел на море.

Наконец, по-видимому на что-то решившийся, он направился в ту сторону пристани, где стояли наемные шлюпки.

Тогда высокий человек приблизился к Чайкину и тихим вкрадчивым голосом спросил по-русски с заметным акцентом:

– Вы будете русский матрос с военного корабля? Да?

– Русский! С клипера «Проворный»! – изумленно и обрадованно воскликнул Чайкин.

Он глядел во все глаза на незнакомца, говорящего по-русски, как на спасителя, который поможет ему нанять шлюпку на «Проворный» – будь что будет!

– А вы здешний? – спросил он.

– Стал здешним.

– А прежде?

– Русским был... Из евреев я.

– А как же в эту сторону попали?

Старый еврей усмехнулся.

– На пароходе из Гамбурга... А прежде я солдатом служил.

– Солдатом? В отставке, значит?

– Я без отставки. Меня тоже наказывать в полку хотели, так я спужался и убежал... И стал я с тех пор вольным человеком, американским гражданином. И никто мне ничего не смеет сделать дурного, если я не делаю дурного... Хорошо здесь... А вы, господин матрос, значит, на корабль опоздали?

– То-то, опоздал! – виновато промолвил Чайкин.

– И большую ошибку вы дали, что опоздали!

– А что?

– А я давеча стоял на пристани и видел, как русская шлюпка ушла... И как же сердился ваш офицер, я вам скажу! И как же он ругался! Ай-ай-ай! Он совсем так ругался, как у нас в полку ротный командир, нехай сдохнет... Тоже сердитый был... и-и-и! – взвизгнул тонким голосом еврей.

– За что же офицер сердился так?

– А из-за вас, господин матрос. И чего только не говорил ваш офицер... Даже и повторить страшно...

– Что же он говорил?

– Испужаетесь... Ой-ой-ой, что он говорил!

– Да вы скажите... Как вас звать?

– Абрам.

– А ежели по батюшке?

– Папеньку звали Исаком, а меня, значит, люди звали в России Абрамкой, а здесь зовут господином Абрамсоном. А вы что же теперь думаете делать? На корабль ехать хотите?

– Ничего не поделаешь. Надо ехать! – испуганно проговорил матрос и вздохнул. – Вот шлюпку бы нанять до «Проворного». Поговорите, что возьмут, а то я по-здешнему не умею.

– Отчего не нанять? Нанять можно.

– Дорого поди возьмут?

– Доллара два возьмут.

– У меня как раз два доллара есть денег.

– Только жалко мне вас. Такой вы молодой матрос, и вдруг оттого, что вы опоздали каких-нибудь полчаса... Ой-ой-ой!..

– Спасибо, что пожалели, а все-таки надо ехать на клипер!

– А зачем, позвольте спросить, ехать?

– Как зачем? Не здесь же оставаться?

– А почему, хотел бы я узнать, не оставаться? Здесь всегда работу можно найти... И разбогатеть можно... Будете богатым человеком... И знаете, что я вам скажу, господин матрос?

– Что?

– И так как мне вас очень жалко, то пойдемте ко мне в гости... Переночуете, а завтра и решение ваше будет... А я вам и работу могу найти по вашей же матросской части. К хорошему человеку на судно можно поступить.

Чайкин колебался, но наконец сказал:

– Ежели переночевать у вас, то покорнейше благодарим, Абрам Исакич... А завтра поеду на клипер.

– Так пойдемте!

Они ушли с пристани. Дорогой старый еврей расхваливал молодому матросу жизнь в Америке, расписывал, как он сам десять лет тому назад убежал из полка и приехал сюда и

очень рад, что бог надоумил его в Америку. И прежде он разбогател здесь, а потом разорился... Теперь дела хуже, но он надеется, что пойдут лучше.

– А вы чем занимаетесь?

– Комиссионером пока, а жена и дочь торгуют на улице...

Минут через пятнадцать они пришли в какой-то узкий и маленький переулок и вошли во двор небольшого дома. Там стоял деревянный маленький флигель. Старик постучался в двери одной из квартир внизу.

Пожилая еврейка отворила двери.

– Входите, Василий Егорыч, – сказал Абрам.

Чайкин вошел в небольшую, бедно убранную комнату. В ней, однако, кроме нескольких стульев и обеденного стола, был диванчик и два мягких кресла. Висячая лампа освещала комнату.

Пожилая еврейка с добрым и когда-то, должно быть, красивым лицом посмотрела на маленького тщедушного матросика с видимым участием и, пожавши ему руку, попросила садиться.

А еврей что-то проговорил жене на еврейском жаргоне и потом сказал Чайкину:

– Тут у нас есть маленькая комнатка; вы в ней и переночуете, а пока жена нам приготовит по стаканчику горячего грогу. Это полезно перед сном. Сара, так вы дадите нам по стаканчику?

Пожилая еврейка что-то проговорила по-еврейски и ушла в соседнюю комнату, из открытых дверей которой видны были кровати. Это была спальная. Ушел за ней и еврей.

И вслед за тем в соседней комнате и еврей и жена заговорили о чем-то очень горячо. По-видимому, старый еврей в чем-то убеждал жену, а она не соглашалась. К этим голосам присоединился еще и третий – свежий, звонкий и молоденький, и Чайкин увидел на пороге молодую красивую еврейку с большими черными печальными глазами, устремленными на него.

Он поклонился. Она ласково кивнула головой и скрылась.

Спор в соседней комнате продолжался, а Чайкин сидел тоскливый, уже раскаявшийся, что не уехал на клипер, и думавший, что если он вернется завтра, то ему достанется еще больше. И Чайкин стал затем уже раздумывать о словах старого еврея, который так нахваливал ему Америку. В самом деле, ведь хорошо! Сам себе господин...

«А хороший этот жид. Пожалел и приютил человека!» – подумал Чайкин, полный благодарности к еврею.

Если б он только понимал, о чем говорили в соседней комнате, то едва ли чувствовал бы благодарность к еврею. Рядом в комнате решалась его судьба.

Дело в том, что этот еврей, когда-то русский солдат, занимался в Сан-Франциско очень позорной профессией: он сторожил на пристани матросов с военных кораблей и заводил к себе какого-нибудь доверчивого или очень захмелевшего и отбившегося от товарищей, напайвал стаканчиком грога, в который всыпался сонный порошок, заставлял подписывать какую-то бумагу и отвозил ночью матроса на какое-нибудь купеческое судно, нуждавшееся в матросе. За это он получал «комиссию» от капитана, и она была тем больше, чем меньше поставлено было количество жалованья на бумаге.

И нередко случалось, что матрос просыпался под утро в море, на незнакомом корабле и в ужасе видел себя дезертиром и закабаленным на год, а то и больше за самое незначительное жалованье. И дезертир уже боится вернуться на родину, где его ждет тюремное заключение за побег, и поневоле становится одним из тех вечно скитающихся без родины моряков, которых много на купеческих кораблях и особенно на таких, где капитаны не разборчивы в найме людей, документы которых иногда так же подозрительны, как и прошлое таких матросов.

Этот доверчивый русский молодой матрос обещал еврею хороший гешефт. Его можно сдать на купеческий корабль за очень маленькое жалованье и получить за это с капитана дол-

ларов тридцать пять, а то и все пятьдесят, так как очень уж тих и смирен этот матросик и, конечно, не надумает сбежать с корабля. А сегодня как раз нужен матрос на один американский клипер, уже совсем готовый к отплытию и с рассветом уходящий в Австралию. С этого клипера убежало накануне два матроса, а в Сан-Франциско их трудно найти, и капитан обещал г.Абрамсону, называвшему себя агентом По найму матросов, хорошие деньги, если ему в ночь доставит матроса.

Все это в значительной степени усиливало красноречие старого еврея, убеждавшего жену приготовить стаканчик «настоящего» грога матросу, которого сам бог послал для того, чтобы дать заработок бедному человеку. И матросу же лучше будет...

Несмотря на все его доводы, пожилая еврейка решительно отказывалась приготовить настоящий грог этому бедному молодому матросу и убеждала мужа пожалеть человека и не продавать его в неволю и уж если и найти ему место на купеческом корабле, то за настоящее, хорошее жалованье. А теперь она ему даст хорошего грога, от которого ничего не случится, и он будет спать и во сне увидит все только хорошее.

– И ты, Абрам, обещаю мне, что ничего не сделаешь дурного этому человеку. Подумай, и у нас мог быть сын.

Абрам горячился, доказывая, что Сара напрасно с чего-то жалеет других, когда надобно и себя пожалеть, и удивлялся, что она вдруг отказывается быть помощницей мужа, тогда как раньше...

– Раньше ты приводил все пьяниц и не таких молодых, и их не так было жалко, и я делала дурное, а теперь...

Вот в это самое время вмешалась и Ривка, их дочь, и прямо-таки объявила отцу, что она скажет сейчас же матросу, что против него замышляют недоброе.

И старый Абрам, которого долгие годы нужды в маленьком городке юго-западного края, потом солдатчина и, наконец, не особенно задачливая, трудная жизнь после переселения в Америку сделали неразборчивым на средства и довели до позорного ремесла, в конце концов уступил просьбам и настояниям жены и дочери, которых очень любил и ради которых зачерствело его сердце.

И – странное дело – несмотря на то, что он лишился хорошего гешефта, это вынужденное решение пощадить матроса смягчило жестокие черты лица старого еврея, и в душе его пробудилось что-то похожее на жалость, когда он вместе с женой вошел в комнату и увидел задумчивое и необыкновенно тоскливое лицо Чайкина. Вся его худощавая, тонкая фигура производила впечатление чего-то хрупкого, деликатного.

– А вы, земляк, не очень-то печальтесь... Бог захочет, все хорошо пойдет! – проговорил не без искреннего участия старый еврей, присаживаясь около матроса.

Ради бережливости он уже снял сюртук и был в толстой вязаной фуфайке, засаленной и грязной до невозможности.

– Спасибо на добром слове, Абрам Исаыч! – горячо проговорил благодарный Чайкин. – Но только очень, я вам скажу, тоска сосет... У нас старший офицер и не приведи бог...

– Так не езжайте. Сюда многие из разных мест приезжают! – ласково сказала пожилая еврейка.

– Пропадешь здесь... Ни слова не знаю по-здешнему.

– Научитесь. И мы приехали – ни слова не знали, а научились.

– А трудно?

– И вовсе не трудно. А у вас в России папенька и маменька?

– Мать одна, а братьев ровно и нет.

– Маменьку можно сюда выписать, ежели, бог даст, разживетесь!.. А вы покушать не хотите ли, господин матрос? Там у меня рыба холодная есть. Хотите?

Чайкин поблагодарил, отказался и сказал:

– И никакого я ремесла не знаю, кроме мужицкого да вот по флотской, значит, части.

– По этой части хорошее жалованье можно получать... Пятнадцать долларов в месяц на всем готовом, а? Это не то, что казенный человек получает... Хе-хе-хе.

И старый еврей замолчал, открывая ряд скверных зубов.

– Неужели пятнадцать? – спросил Чайкин.

– И больше можно иметь, если вы, например, хороший рулевой... А ведь пятнадцать в месяц – это сто восемьдесят долларов в год. Верно я говорю, Василий Егорыч?

– Верно, Абрам Исакыч.

– И если откладывать по десяти долларов, то в год будет сто двадцать, а ежели в три года?

– Триста шестьдесят! – подсчитал Чайкин.

– Уф!.. Вы хорошо считаете... А ежели у умного человека есть капитал в триста шестьдесят долларов, то через пять лет сколько у него будет?

Чайкин не мог решить этого вопроса.

– Тридцать пять тысяч у него будет! – воскликнул Абрам.

В эту минуту Ривка принесла два стакана горячего грога и присела сама.

Обе женщины расспрашивали молодого матроса про Россию, а Чайкин расспрашивал про Америку, и через час Чайкину показали маленькую каморку, в которой обыкновенно укладывали спать «жертв» еврея. На этот раз маленькая каморка не была безмолвной свидетельницей преступлений, совершаемых старым евреем. Чайкин скоро крепко заснул; сновиденья его были приятные.

ГЛАВА III

1

Солнечные яркие лучи заглянули в маленькое окно деревянного флигеля, заливая светом и блеском каморку с голыми грязными стенами, в которой спал Чайкин, и заиграли на его лице.

Он проснулся, удивленно щуря спросонок глаза, и, не вполне освободившийся еще от чар сновидений, казалось, не понимал, где он находится.

Но прошло несколько мгновений, и матрос все припомнил и понял. Понял – и ужаснулся при мысли о том, что он на берегу, вместо того чтобы быть на клипере. А если «Проворный» уже ушел, и он останется один-одинешенек на чужбине, далеко-далеко от родной стороны? Никогда уж не видать ему родины.

И он вскочил с приплюснутого, тонкого и жесткого тюфяка с такой стремительностью, словно бы в тюфяке вдруг оказалась игла. Вскочил и торопливо стал одеваться, чтобы немедленно бежать на пристань, нанять шлюпку и ехать на клипер.

«А там будь что будет!» – подумал он в отчаянии...

В нем, в этом молодом матросе благодаря счастливым условиям его прежней жизни еще жило присущее каждому человеку чувство человеческого достоинства.

Вот почему при мысли о том, как его будут наказывать на клипере, решимость молодого матроса ослабевала. Сомнения закрадывались в душу. Вчерашние слова старого еврея, его жены и дочери о том, как хорошо и свободно можно жить в Америке, невольно припоминались Чайкину и смущали его какими-то смутными надеждами на светлое будущее.

Не зная, на что решиться, он отворил двери и в большой комнате увидел молодую Ревекку.

Довольно красивая, с смуглым, почти бронзовым лицом и густыми черными волосами, пряди которых падали на лоб, одетая в ярко-пунцовую кофточку, она не спеша собирала на стол, расставляя чашки.

– Здравствуйте! – ласково промолвила она, увидав матросика.

– Здравствуйте!

– Сейчас будет готов кофе. Хорошо ли спали? – спрашивала она, глядя на Чайкина своими большими черными глазами.

В этом сочувственном взгляде было что-то такое скорбное, что Чайкин невольно пожалел еврейку, решив про себя, что у нее, должно быть, на сердце тяжелое горе.

И он также сочувственно взглянул на нее, когда ответил:

– Покорнейше благодарим. Очень даже хорошо спал, но только надо мне уходить.

– Зачем уходить? Куда уходить?

– А на свое, значит, судно, на «Проворный». И хотя очень мне достанется...

– Наказывать будут? – перебила молодая еврейка с выражением ужаса на лице.

– Еще как будут-то! – произнес Чайкин с тоской. – Я – щуплый! – виновато прибавил матрос.

– Так вы не ходите! Оставайтесь в Америке!

Чайкин стоял в грустном раздумье. Наконец он сказал:

– Страшно оставаться.

– Отчего страшно?

– На чужбине словно в домовине... Жаль родного места... Пропадешь здесь... Надо, видно, пропадать на клипере. Прощайте, девушка! Спасибо на ласковом слове, и дай вам

бог счастья! И папеньке с маменькой передайте нижайший мой поклон и как я благодарен за ласку... А я пойду!

– Подождите! Прежде хоть кофе напейтесь... Сейчас подам... И маменька скоро придет. Она пошла в лавки. И папенька в семь часов вернется. Он вас и на пристань сведет, ежели вы не боитесь, как вас наказывать будут... Ой-ой-ой! Спаси вас бог!

– Одна надежда на бога и есть...

– Садитесь к столу, Василий Егорыч. Еще успеете горе принять, ежели бог не надоумит вас остаться. У всякого свое горе! – как-то загадочно прибавила Ревекка и вышла в маленькую кухню.

Чайкин присел.

Через несколько минут явилась Ревекка с кофейником и тарелкой поджаренных в масле ломтей белого хлеба. Затем принесла горячее молоко.

Она налила Чайкину большую чашку кофе с молоком, предварительно положив в чашку две ложки сахарного песка, и, подвигая тарелку с хлебом, говорила:

– Кушайте на здоровье! Кушайте, прошу вас!

Сама она не пила. Она присела около стола, по-прежнему задумчивая, и по временам поднимала свои печальные большие глаза, полные чувства сострадания, на матроса.

«Ишь какая жалостливая жидовка!» – думал благодарный Чайкин, перехватывая взгляды Ревекки.

Когда матрос с видимым удовольствием выпил большую чашку, Ревекка предложила ему выпить еще чашку.

Но матрос из деликатности отказывался.

Тогда молодая еврейка налила в чашку матроса кофе и молока и проговорила:

– Кушайте, земляк! Кофе хороший. По сорока центов платили.

Чайкин поблагодарил и стал пить вторую чашку, закусывая поджаренным хлебом.

Опять наступило молчание.

Наконец Чайкин, желая быть вежливым, проговорил:

– Очень скусный кофий.

– Понравился? Может, еще чашку?

– Вовсе не могу. Сыт по горло... Вот вы давеча сказали: «У каждого свое горе!» Это вы правильно сказали. Только разное оно бывает. Наше матросское горе одно, а на сухой пути – другое. Но только здесь, я полагаю, меньше горя, потому как люди без прижимки живут. Сам себе господин.

– Это, положим... Но самое большое горе на свете не от тиранства, а когда ежели совесть непокойная! – грустно промолвила еврейка и покачала головой, словно бы хотела избавиться от каких-то мучительных дум.

– Без совести – беда! Обманом жить вовсе нельзя.

– Вы думаете?

– То-то, думаю.

– А живут же люди.

– Это разве которые бесстыжие.

– Может, и я обманом живу. Как вы полагаете?

Чайкина точно резануло по сердцу. Сам правдивый и доверчивый, он считал такими же и других.

И, тронутый ласковым вниманием, оказанным ему в этом доме, он порывисто проговорил:

– Этого не может быть.

– Почему не может быть?

– Человека сейчас видно. Он себя оказывает.

Еврейка грустно усмехнулась.

– Это вы зря на себя обсказываете. Зачем вам обманом жить?.. Какая такая нужда? – снова заговорил Чайкин.

– Верно, душа у вас чистая, что вы этого не понимаете... И вот что я вам скажу: ежели вы останетесь здесь, вы не очень-то верьте людям... Вот к нам вы пришли, а мало ли что с вами могло случиться... Тут надо во всем опасение иметь... Многие обманом живут...

Матрос ничего не понимал. «Что с ним могло случиться? Его здесь приютили, обошлись ласково, а жидовка точно от чего-то предостерегает...»

– Есть тут много таких людей... Заманят вас, напоят чем-нибудь, да и свезут на какое-нибудь судно матросом... Потом ищите, кто это заманил вас!.. – заметила Ревекка.

– Это нехорошо! – наивно произнес Чайкин.

– То-то я и говорю...

– Да вы разве заманиваете?

Еврейка молчала.

– Судьба каждому человеку дана! – наконец проговорила она. – И ежели которому человеку судьба залезть в болото, не выйти ему из него. Никогда не выйти! – с бесконечной тоской прибавила она.

Чайкин недоумевал и искренно жалел Ревекку, хотел было попросить ее объяснить ему, про какое болото она говорит и отчего нельзя из него выйти, но в эту минуту кто-то три раза постучал в двери.

– Это отец. Не говорите ему ни слова о нашем разговоре! – промолвила еврейка и пошла отворять двери.

2

При ярком свете роскошного солнечного утра господин Абрамсон показался Чайкину гораздо старше, чем вчера. И глаза его, глубоко засевшие во впадинах, острые и пронзительные, как у хищной птицы, невольно обращали на себя внимание и несколько пугали, несмотря на приветливую улыбку, игравшую на тонких бескровных губах старого еврея.

– Честь имею поздравить вас, Василий Егорыч! – весело проговорил он, протягивая свою грязную костлявую руку молодому матросу.

– С чем меня проздравлять, Абрам Исакыч? – удивленно спросил Чайкин.

– Теперь уж вас наказывать не будут... Никто не посмеет. Шабаш!.. И теперь вы станете американцем...

– Почему это?

– Ваш клипер только что ушел... Я сам видел!..

– Ушел? – упавшим голосом промолвил Чайкин.

– То-то, ушел, и вы, значит, остались в Америке... Да вы что же повесили нос? Или недовольны, что стали вольным человеком?.. Так это можно поправить... Явитесь к консулу и скажите, что вы остались... Вас отправят на русское судно и...

– Вы, папенька, не пугайте. И так они обескуражены! – заметила дочь.

– А ты, Ривка, не очень-то мешайся не в свои дела, – сурово проговорил старик.

И, обращаясь к Чайкину, сказал:

– Не огорчайтесь... Я вас завтра определяю к месту... матросом на хорошее жалованье, а пока оставайтесь у нас... Нам жалко земляка... А я вам и платье другое принес! – прибавил старый еврей, указывая на узел, бывший у него в руке. – Ваше, форменное, не годится на купеческих кораблях. Я его продам... Только за него больше доллара не дадут... А чего нехватит за новый костюм, вы мне заплатите, земляк... Не правда ли?

– У меня всего-навсего два доллара, Абрам Исакыч.

– Об этом не беспокойтесь. Я попрошу, чтобы вам дали жалованье за месяц вперед, мы и сочтемся. А капитан у вас будет хороший... Я для вас старался, земляк...

– Спасибо вам, Абрам Исакыч! – доверчиво проговорил Чайкин.

Но тон его был далеко не веселый.

– А пока без меня никуда не выходите... А то могут поймать вас и отвести к консулу... А уж тогда вы пропали...

Матрос обещал никуда не выходить.

– Ривка! Ты займи земляка. Слышишь?

– Слушаю, папенька.

– Да скажи маме, чтобы хорошо угостила гостя. А мне давай скорей кофе. Мне надо идти по делам. А вы, Василий Егорыч, переоденьтесь. Я ваше платье понесу продавать.

Чайкин покорно взял из рук Абрама Исаковича узелок и через пять минут возвратился в отвратительной матросской паре из темно-синего сукна. И рубаха, и штаны, и шапка были старые, почти ветхи и достаточно заношены.

– Каков костюмчик? просто первый сорт и преотлично на вас сидит, будто на заказ шито! – воскликнул старый еврей, оглядывая Чайкина, который в мешковатой рубахе и в слишком длинных штанах казался совсем неуклюжим медвежонком. – А пока до свиданья! Смотри же, Ривка, займи гостя! – значительно повторил старик.

И с этими словами он кивнул головой и вышел.

Ревекка, которой отец приказал «занимать гостя», что в действительности значило «не выпускать» его, не раз исполняла такие поручения и не раз бывала преступной сообщницей в позорной профессии отца, хотя совесть ее и возмущалась.

Но с этим простодушным, доверчивым молодым матросом она не хотела играть роли обманщицы. Ей было это противно, и она, ласково взглядывая на Чайкина, шепнула, предвзительно заперев двери на запор:

– А знаете, что я вам скажу?

– Что?

– Ежели хотите погулять, не бойтесь. Здесь никого не могут взять, если человек не сделал ничего дурного. И я вам адрес напишу, чтобы вы потом нашли к нам дорогу. А то, как мама вернется, поведет вас... Только папеньке ничего не рассказывайте, – мне тогда достанется.

– Спасибо вам... Я лучше у вас побуду... Уж какая гулянка!..

– Как хотите. А еще вот что: меньше как за десять долларов в месяц не нанимайтесь в матросы и никакой бумаги не подписывайте... Поняли?

– Понял.

– А то подпишете такую бумагу, что обязаны будете несколько лет служить и за маленькое жалованье... Так не подписывайте бумаги, что бы вам папенька ни говорил. И за костюм больше доллара отцу не давайте. И того не стоит!

– Это точно. Одежда самая последняя.

– И, если отец приведет вас в салун и станет угощать вином, не пейте ничего. Слышите?

– Слышу.

– Ни водки, ни пива. Скажите, что вовсе не пьете... А то пьяного легко заставить подписать всякую бумагу.

– Ничего в рот не возьму!

– И не бойтесь, если отец пугать станет, что не найдете места. Тут есть контора, где нанимают матросов. Я вам дам адрес... Спрячьте его... И бог да поможет вам! – задушевно прибавила молодая еврейка.

– Пошли вам господь всякого счастья, добрая девушка! Век не забуду, как учили вы меня, дурака, уму-разуму на чужой стороне. Обсказали, значит, насчет чего опаску иметь. Спасибо вам... как позволите прозвать вас?..

– Ревекка.

– Спасибо вам, Ревекка Абрамовна! – взволнованно говорил благодарный матрос, глядя на Ревекку признательным взглядом.

И его серые мягкие глаза так и лучились.

– И вам спасибо...

– Мне-то за что?

– А за то, что совесть вы во мне тронули... Вижу: вы такой простой, доверчивый, всему верите, худого про людей не думаете... Совесть-то и подала голос и показала, какая я дурная... Теперь уж обманом жить не хочется... Так и скажу папеньке. Пусть сердится, а уж я не стану заманивать бедных матросов.

И Ревекка, взявши слово с матроса, что он сохранит в тайне все, что она ему скажет, рассказала, чем занимается отец и как вчера Чайкин благодаря заступничеству ее и матери не был опоем и увезен ночью на корабль.

– Тоже и папеньку жалко! – прибавила Ревекка. – Как пошли дела хуже, обеднел он, так и стал заниматься этим делом. Из-за нас, маменьки да меня, людей погубляет.

Скоро вернулась мать с покупками и ласково приветствовала гостя.

Целый день Чайкин провел в обществе двух евреек. Он предложил чем-нибудь помочь им: подмел комнаты, чистил овощи и мыл посуду. А обе женщины старались подбодрить и успокоить Чайкина, уверяя его, что в Америке он не пропадет и ему будет хорошо. Обе они не раз советовали ему ничего не пить, ни одного стаканчика, когда он пойдет наниматься в матросы.

В тот же день новые знакомки выучили его несколькими английскими словами и учили его называться не Чайкиным, а мистером «Чайк»: так будет больше похоже на американскую фамилию.

С этого дня наш матрос обратился в мистера Чайка. Так в Америке его и звали.

Под вечер возвратился старый еврей и объявил, что нашел для земляка хорошее место – матросом на бриг «Динора». И капитан и штурман добрые люди. «Динора» завтра уходит в Австралию с грузом зерна.

– И жалованье хорошее! – прибавил Абрамсон, однако не сказал какое.

– А хороший ли корабль? – спросила Ревекка.

– Разумеется, хороший. Небось дурной не пошлют! – проговорил старый еврей, строго и значительно взглянув на дочь.

– Вы сами, папенька, говорили, что посылают совсем дурные корабли.

Чайкин взглянул удивленно на Ревекку и спросил:

– А по какой такой причине?

– Очень просто. Застрахуют груз и старый какой-нибудь корабль в хорошую цену и пошлют людей на верную погибель... Корабль потонет, и матросы потонут, а хозяева корабля получат хорошие деньги... Еще недавно в газетах об этом писали.

– А ты, Ривка, не болтай чего не понимаешь! – строго заметил отец.

– Вы же сами говорили, папенька, – настаивала Ревекка.

– Мало ли говорил, да ты глупая девчонка, чтобы все понимать... А вы, земляк, не сомневайтесь: «Динора» новое и крепкое судно. Всего только пять лет как построено... Идемте! На пристани штурман с «Диноры» ждет, чтобы договориться.

Чайкин простился с хозяйкой и с дочерью, точно с родными. Особенно горячо он пожал маленькую желтоватую руку Ревекки, признательный за ее участие и советы.

Когда матрос уходил, следуя за Абрамсоном, Ревекка подбежала к Чайкину и чуть слышно прошептала:

– Помните, что я вам говорила.

Чайкин кивнул головой.

«Помню, мол, и спасибо вам!» – говорил, казалось, его взгляд, который он кинул на Ревекку.

– Если не поладите, к нам приходите, земляк! – кинула вдогонку госпожа Абрамсон.

– Отчего не поладить? Поладим! – ответил старый еврей.

ГЛАВА IV

1

– Вот сюда! – проговорил старый еврей, указывая на двери одного из многих кабачков, или, как их называют в Сан-Франциско, салунов, находящихся на набережной.

Они вошли в небольшую, покрытую опилками комнату, полную матросов и рабочих, сидевших за маленькими столиками в самых непринужденных позах, с поднятыми на соседние стулья ногами.

Старик осмотрел комнату и повел Чайкина в дальний угол, где за столиком сидел приземистый и коренастый бородатый брюнет в темно-синем коротком пальто и в фуражке с галуном, с маленькой трубкой в зубах. Около него стоял стакан, наполненный ромом, и бутылка.

– Привел. Вот он! – проговорил Абрамсон по-английски, указывая на своего спутника.

– Очень хорошо! – ответил штурман «Диноры», оглядывая быстрым, острым взглядом своих темных глаз Чайкина и, по-видимому, вполне удовлетворенный осмотром. – Надо прежде накатить его! Кажется, работающий парень! Познакомьте нас! – прибавил штурман.

– Штурман с «Диноры», мистер Гаук... Мистер Чайк! – проговорил Абрамсон.

Мистер Гаук протянул мистеру Чайку свою широкую волосатую руку, на которой были вытатуированы якорь и сердце голубого цвета, и, указывая на стул, налил из бутылки стакан рому, подал Чайкину и чокнулся.

Однако Чайкин не дотронулся.

– Отчего этот простофиля не пьет? Скажите, мистер Абрамсон, что я его угощаю!

– Выпейте, земляк... Штурман желает вас угостить! – обратился к Чайкину старик еврей.

– Не занимаюсь вином, Абрам Исакыч.

– Один стаканчик.

– Вовсе не занимаюсь! – решительно произнес Чайкин, помня советы Ревекки.

– Ай-ай-ай... Штурман вас хочет угостить, а вы... И видано ли, чтобы матрос не любил выпить!.. Стаканчик рому даже полезен для здоровья.

Но, напуганный Ревеккой, молодой матрос опасался теперь и штурмана и еврея и упрямо произнес:

– Не просите, Абрам Исакыч. За угощение благодарю, а пить не стану.

– Что этот дурак говорит? – спросил штурман.

– Отказывается пить! Не пьет совсем! – ответил Абрамсон.

– Ну и черт с ним. Первый раз в жизни вижу матроса, который не пьет! – заметил штурман и засмеялся. – Объясните ему, что мы нанимаем его на три года... а жалованье... Сколько ему дать жалованья?..

– Шесть, а за это мне пятьдесят долларов.

– Большая вы каналья, мистер Абрамсон, и больше двадцати пяти долларов я вам не дам, если этот дурак согласится. Ну, покончим скорей, и я возьму его на «Динору». Завтра уходим!

Абрамсон объяснил Чайкину, что он должен подписать условие на три года и что он будет получать по шести долларов в месяц. Конечно, потом ему прибавят. Непременно прибавят. Штурман говорит, что прибавят. А больше вначале нельзя дать, так как Чайк беглый матрос и у него никаких бумаг нет. После, конечно, можно получить бумагу, а не теперь.

– Вы, конечно, согласны? – окончил господин Абрамсон вопросом, не сомневаясь, что получит утвердительный ответ от этого робкого, застенчивого и с виду простоватого матроса.

Но, к крайнему изумлению старого еврея, считавшего себя большим знатоком людей и уверявшего, что видит на аршин под землей, Чайкин ответил:

– Нет моего согласия, Абрам Исакыч.

Старый плут глядел во все глаза на матроса.

– Как нет согласия? Почему, позвольте вас спросить?.. Я для вас же старался, чтобы определить вас, а вы совсем даже оконфузили меня... Ай-ай-ай!.. Не полагал я на ваш счет такой, позвольте сказать, такой неблагодарности... На службе вы, можно сказать, шиш с маслом получали, а вам предлагают шесть долларов, квартиру и харчи, а вы не согласны! Или вы шутите?

– Нет моего согласия! – снова повторил Чайкин с тем упрямством, какое часто бывает в простом человеке, раз уверенном, что его норовят обмануть.

– Это даже вовсе неблагородно с вашей стороны, мистер Чайк... Право, неблагородно. На что же есть ваше согласие?

– На десять долларов в месяц, как вы говорили.

– Никогда я не говорил... Никогда я не говорил...

– То-то, говорили.

– Ошибка, значит, вышла... Ну, виноват сам и семь долларов уж выторгую для вас... А условие на три года.

– И на три года нет моего согласия. Никакой бумаги я не подпишу!

– Это почему? Кто же вас возьмет без бумаги?

– У нас на «Проворном» сказывали, что берут...

– Берут, так и ищите сами места, а мне пять долларов за костюм пожалуйста.

– Не много ли будет, Абрам Исакыч?

– Я полагаю, что мало. Костюм-то почти новый.

– И вовсе даже рвань одна, Абрам Исакыч.

– Что он говорит?.. Видно, парень не совсем глупый... не соглашается на шесть долларов? – спросил штурман.

– Не соглашается.

– Молодец. А на условие?

– Тоже не соглашается.

– Хвалю. Он, значит, совсем толковый! – весело проговорил янки. – Дурак-то были вы, мистер Абрамсон. Да! Спросите-ка, чем он был на своем клипере?

Еврей спросил и перевел ответ Чайкина, что он служил грот-марсовым и был подручным рулевым.

– Такого мне и нужно! – промолвил мистер Гаук.

И с этими словами он хлопнул по плечу Чайкина и показал ему десять пальцев своей руки.

Тот удовлетворенно кивнул головой и произнес три раза:

– Yes, yes, yes... ⁴

Господин Абрамсон вытаращил глаза, удивленный, что Чайкин сказал эти слова по-английски.

После этого штурман вынул из кармана условие.

Но Чайкин отрицательно мотнул головой и три раза повторил:

– No, no, no! ⁵

– Да он совсем умный матрос! – весело произнес штурман и пантомимой объяснил, что он берет Чайкина.

– А как же мои пять долларов? – спросил у него Абрамсон.

– Больше доллара не согласен! – решительно заявил матрос.

⁴ Да, да, да... (англ.).

⁵ Нет, нет, нет! (англ.).

– Ну, бог с вами... Давайте... А с вас, мистер Гаук, сколько?

Штурман дал ему золотой «игль» в десять долларов и, расплатившись, повел Чайкина с собой.

Старый еврей очень ласково попрощался с земляком, пожелав ему всего хорошего. Чайкин, в свою очередь, поблагодарил еврея за приют и ласку и просил кланяться супруге и Ревекке Абрамовне.

С узелком в руках, в котором были две купленные еще третьего дня рубахи и пара башмаков, шел новый матрос «Диноры» за штурманом к пристани.

– Hallo! Hallo! «Dinora»! ⁶ – крикнул штурман на рейд.

Через несколько минут пришла шлюпка с двумя гребцами. Штурман сел в шлюпку, указав Чайкину сесть на весло, и с удовольствием смотрел, как добросовестно греб русский матрос, наваливаясь изо всех сил.

Скоро шлюпка пристала к большому двухмачтовому бригу, и мистер Чайк, или просто Чайк, как его стали звать на бриге, вошел на палубу и прошел на бак, где с любопытством оглядывал новых товарищей, пока боцман не увел его вниз и показал ему койку, одеяло и подушку.

Чайкин понял, что самое лучшее, что он может сделать, это лечь спать. Что же касается до знакомства с будущими сожителями, большая часть которых наводила некоторый страх, и с капитаном, то это гораздо лучше сделать завтра при дневном свете.

Сиротливое чувство охватило его в этот теплый вечер. Он вспомнил, что теперь он один как перст среди чужих людей, и он в этот вечер особенно горячо молился богу.

2

Что это был за сброд людей на «Диноре»? Из двенадцати человек экипажа только трое были американцы. Остальные принадлежали к разным национальностям, в числе которых был один представитель желтой расы – китаец – и двое негров.

Когда рано утром на следующий день боцман вызвал всех наверх сниматься с якоря и Чайкин работал на шпигеле, а потом был послан на фока-рею отдавать марсель, он был словно бы одурелый от того впечатления, которое на него производили его сослуживцы. Большая часть из них положительно внушала в нем страх своими грубыми до жестокости лицами. Особенно казались ему страшными негр Сам, здоровенный детина геркулесовского сложения, и испанец Чезаре, маленький, заросший волосами, черный, как жук, с лукавым взглядом злого и хитрого животного.

Но более всех не понравился Чайкину капитан «Диноры».

Чайкин увидел его в первый раз на палубе во время съёмки с якоря. Он вышел из своей каюты в желтом халате, в карманах которого торчало по револьверу, бледный, с темными глазами, жесткими и пронизывающими, глубоко сидящими в глазных впадинах.

Капитана все, решительно все, ненавидели и в то же время боялись. Он был беспощаден в случае неповиновения и месяца три тому назад застрелил из револьвера одного матроса, как собаку. Об этом Чайкин узнал после, но при первом взгляде на него он скорее почувствовал, чем понял, что для этого человека нет ничего невозможного.

Зато и команда «Диноры» была под стать командиру, и между матросами и им словно бы существовала глухая вражда. И те и другой это чувствовали.

Этому капитану Блэку, жизнь которого была рядом всевозможных приключений, точно доставляло особенное удовольствие быть некоторым образом в положении укротителя зверей.

⁶ Эй, эй! «Динора»! (англ.).

Это был своего рода спорт для янки с деспотически-жестоким характером и любителя всяких сильных ощущений. Быть одному, почти одному, – так как и со своим помощником, штурманом, он не был в хороших отношениях, – среди ненавидящих людей, прошлое большей части которых было крайне сомнительно, рискуя ежедневно быть выброшенным за борт или убитым, – не представляло особенной приятности. Но этому странному человеку, бесстрашному и мужественному, казалось именно такое положение совершенно естественным, и он самоуверенно, имея постоянно заряженные револьверы в карманах и несколько заряженных карабинов в своей каюте, ходил по палубе и словно бы гордился, что заставляет повиноваться себе отчаянных людей.

Действительно, эта самоуверенность производила сильное впечатление на матросов «Диноры».

Очутившись среди чужих людей, в новой обстановке и притом под командой такого капитана, Чайкин понял, что здесь надо держать ухо востро. Положим, на бриге никого не смели наказывать, как на «Проворном», и Чайкин не трусил, что за какой-нибудь пустяк его станут бить линьками, но он понял, что на «Диноре» существуют неприязненные отношения между командой и капитаном и что капитан беспощаден.

Вообще ему на бриге не понравилось, и он про себя решил в первом же порте оставить «Динору» и поступить на другое судно.

И Чайкин не раз благодарно вспоминал молодую еврейку Ревекку. Ведь благодаря ее предупреждению он не подписал бумаги, которая закабалила бы его на трехлетнюю службу.

Но – странное дело! – как ни страшно ему было, особенно в первые дни, на «Диноре», он на ней не испытывал того трепета, той приниженности, какие испытывал на «Проворном». Он все-таки чувствовал себя свободным.

Благодаря незнанию английского языка, на котором раздавались командные слова и на котором говорили между собою все эти разноплеменные матросы, положение Чайкина было трудноватое.

Но сметливость выручала его.

Он понимал, глядя на других, что надо делать, когда раздавалась команда капитана, штурмана или боцмана, и в скором времени заслужил общее уважение, показав себя лихим, толковым матросом, добросовестно исполняющим свои обязанности. Он был марсовым на фор-марсе и, кроме того, рулевым и никогда на вахтах не спал – одним словом, Чайкин зарабатывал свое жалованье по совести.

Сперва на «новенького» косились. Его встретили недружелюбными взглядами, как встречает стая собак новую. Но знание им своего матросского дела, выказанное при первой же постановке парусов, во время съёмки с якоря, изменило это недружелюбие в равнодушие.

Его никто не задирал. Его оставили в покое, присматриваясь к нему. С ним никто не пробовал обмениваться пантомимами, и Чайкин, чувствуя свое одиночество, скучал по своим «российским».

Но он знал, что возврата уж нет, и, стараясь приспособиться к новому своему положению, внимательно вслушивался в чужой ему язык, запоминая слова и выражения. И он быстро усваивал себе их.

Соседом на фор-марса-рее был у него Чезаре.

Этот сорокалетний испанец с маленькими холодными и злыми глазами, с глубоким шрамом от удара ножом на щеке с первого же дня почему-то невзлюбил Чайкина.

За что? Он и сам бы не объяснил этой антипатии, внезапно зарождающейся между людьми словно бы по какому-то инстинкту, в основе которого лежит бессознательное чувство двух противоположных натур.

Вероятно, Чезаре, этот лживый, порочный и злой человек, на душе которого было не одно преступление, бежавший из Кадикса лет десять тому назад за убийство жены и с тех пор

успевший посидеть в Бостонской тюрьме за воровство, этот шулер игрок, чуть не повешенный в Сакраменто по суду Линча обыгранными им рудокопами, вероятно сразу признал в этом бело-брысом русском матросе с кроткими серыми глазами непорочную душу честного человека.

И этого было довольно, чтобы почувствовать ненависть и зависть, нередко являющиеся у дурных людей к хорошим, словно бы как протест, в основе которого лежит злоба на потерю в самом себе всего того хорошего, которое, быть может, и было когда-нибудь в человеке.

Чайкин был очень осторожен с Чезаре и боялся втайне испанца, перехватывая порой его злобные взгляды исподлобья, но не выказывал перед ним страха и не обращал на него, по-видимому, никакого внимания.

Это-то и возбуждало в испанце еще большую злобу.

И однажды, после обеда, когда оба они, как подвахтенные, были внизу, в небольшой матросской каюте, по бокам которой были расположены нары для спанья, Чезаре нарочно задел плечом стоявшего посреди каюты Чайкина и, внезапно бледнея, крикнул:

– Дорогу, русская свинья!

И хотя Чайкин чуть-чуть посторонился, Чезаре, смерив его презрительно-злобным взглядом, со всего размаха толкнул Чайкина так, что тот ударился головой о борт.

Хотя Чезаре, приземистый и мускулистый, обладал значительной силой и Чайкин это знал, – тем не менее, взбешенный этим нападением, Чайкин ударил испанца кулаком по лицу.

– Ловко! – произнес чей-то голос с одной из коек.

– Carramba! ⁷

И, выкрикнув вслед за тем несколько ругательств по-испански, Чезаре, словно разъяренный бык, бросился на Чайкина, готовый, по-видимому, его задушить.

Чайкин мужественно встретил нападение, и между ними завязалась ожесточенная драка. Испанец старался нанести одной рукой коварные удары в низ живота, а другой схватить за горло, но Чайкин счастливо избегал этого, работая с остервенением кулаками по груди и лицу Чезаре...

Несколько матросов, лежавших на койках, равнодушно смотрели на эту драку. И только при ловких ударах одного из противников они издавали одобрительные восклицания...

Драка продолжалась минуту, другую, а победа казалась еще далекою... Испанец словно бы находился в недоумении, встретив в тщедушном на вид Чайкине такой неожиданно свирепый отпор.

И, вскрикнув «Carramba», Чезаре неожиданным прыжком очутился сзади Чайкина и, дав ему подножку, повалил наземь и с налитыми кровью глазами, весь бледный, стал душить своими цепкими сильными руками Чайкина за горло.

Дело становилось серьезным... Чайкин захрипел.

Тогда с одной из коек быстро соскочил молодой, длинноногий блондин с рыжей бородой, окаймлявшей рябоватое веснушчатое лицо, и бросился на помощь Чайкину.

Он с трудом освободил его горло от рук Чезаре и, схватив испанца за шиворот, оттащил его и проговорил с нескрываемым презрением:

– Это подло так нападать. Не троньте Чайка. Что он вам сделал, негодяй вы этакий?

Чезаре рванулся было из рук рыжего матроса, но тот крепко его держал.

Тогда Чезаре с искаженным злобою лицом взглянул на неожиданного защитника и крикнул:

– Вы чего вмешиваетесь, Долговязый? Вам какое дело?

Калифорниец Бутс, прогоревший золотоискатель, отправлявшийся матросом в Австралию искать золота, ответил:

– Дело слегка порядочного человека.

⁷ Черт возьми! (исп.).

– Слегка? – ядовито переспросил Чезаре.

– Вы, кажется, слышали, что я сказал. Я не люблю повторять слов. А если дело мое вам не нравится, то не угодно ли попробовать американского кулака?

И, отпустив испанца, Долговязый засучил руки, обнаружив хорошо развитые мускулы, и стал в позу боксера.

– Угодно, сэр? – насмешливо бросил он.

– Не угодно.

– Очень жаль.

– Когда мне будет угодно, я обращусь к вам, Бутс! – злобно прошипел Чезаре.

И с этими словами вышел из каюты.

Чайкин уже поднялся и оправился.

Долговязый подошел к нему, одобрительно потрепал его по плечу и обратился с коротеньким спичем, в котором сказал, что мистер Чайк дерется недурно и что исход драки мог быть более лестным для Чайка, если бы не подлый поступок негодяя испанца, повалившего своего противника сзади.

– Так сколько-нибудь приличные джентльмены не поступают. А вы дрались как джентльмен!

Разумеется, Чайкин понял в этом спиче очень мало, но зато понял, и очень хорошо понял, что Долговязый – добрый человек, и выразил ему свою признательность благодарным взглядом, подкрепив его по-английски словами:

– Благодарю вас... Благодарю вас...

И, забывши, вероятно, что говорит с американцем, продолжал взволнованно и горячо по-русски:

– Спасибо тебе, брат «Лэнка» (так переименовал Чайкин прозвище Бутса «lenk», то есть «долговязый»). Добер ты... Заступился, даром, что другой веры...

Долговязый слегка усмехнулся, словно бы считая недостойным себя показать, что он понял по тону мистера Чайка и по его серым лучистым глазам искренность и горячность благодарности и несколько тронут ею.

И, принимая небрежный вид человека, который равно душен ко всему на свете, кроме золотоискательства, он будто мимоходом заметил, снова ложась в койку:

– А вы, Чайк, остерегайтесь теперь этой злой скотины – Чезаре. Он не прочь вас и с реи столкнуть... Подлый человек Чезаре...

– No good! ⁸ – заметил Чайкин, не столько понимая, сколько догадываясь, что «Лэнка» ругает Чезаре.

Долговязый утвердительно кивнул головой, приподнявшись на койке.

С этих пор между Бутсом и Чайкиным установились хорошие отношения. Разговаривать они не могли, но по утрам обменивались приветствиями и, видимо, питали друг к другу приязнь.

И Чайкин уже не чувствовал себя одиноким на «Диноре», как в первые дни. Он знал, что есть добрая душа около, и сам приободрился и уже меньше скучал.

Желая чем-нибудь выразить Долговязому свою признательность, молодой матрос в свободное время сплел из каболки ⁹ туфли и однажды сунул их в руки янки.

Тот посмотрел, похвалил работу и возвратил назад.

– Это вам! – сказал, застенчиво краснея, Чайкин.

Калифорниец, сильно тронутый, только молча и крепко пожал руку Чайкина и через несколько дней предложил учить его по-английски.

⁸ Нехороший! (англ.).

⁹ Каболка – распущенная старая смоляная веревка. (Примеч. автора.)

Ученик оказался необыкновенно понятливый и усердный.

Он делал такие быстрые успехи, что через два месяца янки уже нашел, хотя и несколько преждевременно, что можно говорить с Чайкиным о самом любимом им деле – о золоте.

И он не раз старался объяснить Чайкину, что если он не дурак, то должен в Мельбурне оставить «Динору» и отправиться с ним внутрь страны искать счастья.

– Можно при удаче быстро разбогатеть. И мы непременно разбогатеем! – уверенно прибавлял Долговязый.

Чайкин понял только, что можно разбогатеть, и слушал речи Долговязого, как сказку.

– А что же потом делать? – спрашивал он.

– Потом... потом... завести какое-нибудь дело и еще больше разбогатеть! Вот что потом... А вы что бы делали, если бы разбогатели... очень разбогатели?

Чайкин не имел представления о размерах богатства и решительно не мог придумать, что бы он тогда делал. Конечно, он послал бы денег в деревню матери, а что дальше – он не мог и придумать...

– Завели бы свой пароход? – подсказывал предприимчивый янки.

Но пароход, казалось, не прельщал будущего богача.

– А то купили бы земли да построили ферму...

– Это лучше! – весело отвечал Чайкин.

Долговязый, по мере сближения с Чайкиным, все более оценивал его душевные качества, хотя и находил, что Чайкин ровно ничего не смыслит в политических делах, и удивился, когда узнал, что он ни разу в жизни не читал газет.

– Вам, Чайк, непременно надо читать газеты... А еще...

– Что еще, Долговязый?

– А еще обязательно надо выучиться писать! И я вас выучу. Это не хитрая штука!

Они нередко теперь вели беседы, и Бутс много рассказывал об Америке. Чайкин внимательно слушал и изумлялся.

Вскоре один поступок Чайкина, поразивший весь экипаж брига, окончательно убедил Долговязого, что его приятель такая добрейшая душа и вместе с тем такая простофиля, какой Бутс до сих пор не встречал, хотя и побывал в нескольких штатах Америки.

ГЛАВА V

1

Противные ветры преследовали «Динору» с самого выхода из Сан-Франциско.

Парусному бригу приходилось лавировать длинными галсами, чтобы хоть медленно, но подвигаться вперед к цели. Прошло уже два месяца плавания «Диноры», а она подвинулась всего лишь на двести пятьдесят миль прямого расстояния от Сан-Франциско до места назначения – Мельбурна.

Всех раздражала эта медленность плавания. Особенно недоволен был капитан Блэк, чередовавшийся вахтами со своим помощником. Каждый из них выстаивал по шести часов наверху, и каждый ежедневно надеялся, что вот-вот задует попутный ветер и бриг под всеми парусами направится к цели, делая миль по двести суточного плавания.

А между тем ветер, как нарочно, почти постоянно дул, как говорят моряки, в «лоб», и приходилось лавировать и постоянно делать частые повороты, что утомляло и вызывало неудовольствие в матросах, которым и после вахты не удавалось ни одной ночи спокойно выспаться: то и дело боцман или штурман вызывали подвахтенных наверх для поворота – маневра, требовавшего присутствия всего незначительного экипажа «Диноры».

Еще слава богу, что погода все время стояла хорошая и ветер дул ровный и не особенно свежий, так что не приходилось еще чаще беспокоить людей, чтобы брать рифы.

Во время своих вахт капитан Блэк, расхаживавший по возвышенной площадке юта, под которой помещалась его каюта, в своей кожаной короткой куртке, белых штанах и соломенных туфлях, надетых на босые ноги, был, по обыкновению, наружно спокоен и даже, казалось, невозмутим.

По крайней мере бледное, помятое жизнью, но все еще красивое лицо капитана Блэка, с изящными и тонкими чертами, суровое, энергичное и самоуверенное лицо, в котором с первого же взгляда чувствовалась непреклонная воля и сказывался железный характер, – не выражало ни беспокойства, ни волнения.

А между тем на душе у капитана было далеко не покойно. Противные ветры злили его тем более, что расстраивали его планы, известные ему одному и тщательно скрываемые даже от помощника, штурмана Гаука.

И глаза капитана Блэка, острые и пронзительные, как у коршуна, порой загорались блеском, а белая его рука, совсем не похожая на рабочую руку, с брильянтом на мизинце, нервно пощипывала большую черную как смоль бороду, когда он поглядывал на горизонт и на небо, по которому бежали белоснежные перистые облачка, и на выпел, развевавшийся на грот-мачте: он показывал, что ветер дул все в том же направлении.

И капитан Блэк мысленно посылал ругательства по адресу этого непрерывного зюйд-оста и по временам пощупывал два заряженные револьвера-бульдога в своих карманах.

Капитан Блэк, которого все так не любили и в то же время так боялись, ни с кем никогда не говорил и со штурманом обменивался лишь приветствиями да отрывистыми служебными разговорами. Все свободное от вахт время и когда ничто не представляло какой-нибудь опасности для «Диноры», требовавшей присутствия капитана наверху, он проводил в своей каюте за книгой или погруженный в какие-то думы, делавшие его суровое лицо еще более угрюмым, словно бы эти думы или воспоминания были очень тягостны и неприятны.

И каюта капитана Блэка была довольно странная каюта.

Убрана она была с изяществом и со вкусом, редкими в капитанских каютах на купеческих кораблях и свидетельствовавшими о привычке и любви Блэка к комфорту и роскоши.

Большой, покрытый клеенкой стол посредине каюты, щиты (стены) которой были из красного дерева с украшениями из черного. Около стола два массивные кресла. Кругом борта диван, обитый черным сафьяном. Библиотечный шкаф черного дерева был полон книг, а по стенам висело несколько фотографий, среди которых в нескольких видах красовался портрет одной молодой женщины. Один из них был прострелен, – небольшая дыра виднелась у самого виска. Большие иллюминаторы, прорубленные в корме, позволяли любоваться чудным видом беспредельного океана, а два небольшие крошечные оконца, задернутые занавесками и выходявшие на палубу, позволяли капитану, не выходя из каюты, видеть всю палубу брига. Входная дверь в каюту поражала своей толщиной и изнутри была окована железом. И в ней было небольшое отверстие, в которое можно было просунуть дуло ружья. Люка на потолке не было.

За тяжелой портьерой, отделяющей часть каюты, маленькая привинченная к борту койка, умывальник, шифоньерка, и в одном углу, расставленные в стойках, несколько карабинов и штуцеров. Над койкой висел ковер из мягкой яркой ткани, и на нем – в черной матовой раме портрет той же молодой женщины, фотографии которой висели по стенам каюты.

На портрете можно было видеть необыкновенно интересное и выразительное лицо молодой смуглой брюнетки лет тридцати, с большими задумчивыми и даже грустными глазами, в бальном ярко-пунцовом платье, с открытой шеей и руками. На одной из этих маленьких рук с тонкими и длинными пальцами было обручальное кольцо и маленький брильянт на слегка изогнутом мизинце; а на другой руке – черное небольшое колечко на безымянном пальце. В углу портрета было начертано маленькими буквами: «Динора Браун».

Под рамкой висел небольшой кинжал и пучок засохших роз.

У самой койки, в клеенке, покрывавшей пол всей капитанской каюты, было вырезано отверстие для люка, и это отверстие было прикрыто железной крышкой, на которой висел замок. Люк этот вел в небольшое пространство под капитанской каютой.

Рядом с этим роскошным помещением капитана, за входными дверями, была каюта-буфет, в которой жил капитанский слуга, пятнадцатилетний негр Джек.

Этот негр да еще бульдог Тигр, кажется, были единственными существами на брига, привязанными к мрачному капитану.

2

Собираясь на вахту с полуночи до шести, Чайкин заметил, что великан негр Сам и Чезаре уже поднялись и о чем-то шепчутся. Но как только они увидели, что Чайкин проснулся, шепот их тотчас же прекратился, и они вышли из каюты.

Разбудив Долговязого, Чайкин с последним ударом колокола, пробившего восемь склянок, был уже наверху и стал у руля.

Ночь была превосходная, теплая. Светила луна, часто показываясь из-за облаков, и ярко мигали звезды. Ветер, по-прежнему противный, стихал, и «Динора» лениво шлепала в воде узла по два, по три в час.

На вахту вступил штурман Гаук, заменив капитана, ушедшего к себе в каюту.

Пользуясь этим, вахтенные матросы скоро сладко задремали, сидя в «бухтах» снастей или примостившись к борту. Только Гаук и Чайкин бодрствовали.

– Вы на румбе, Чайк? – спросил штурман.

– На румбе, сэр! – отвечал Чайкин.

– Что-то ветер стихает.

– Стихает, сэр. И руля плохо слушать стала «Динора», сэр.

– Как бы совсем не заштилело.

– А быть может, к перемене ветра, сэр...

– Давно бы пора, Чайк...

Бриг теперь еле подвигался... Ветер совсем стихал, и паруса тихо пошлепывали.
Луна скрылась за облака, и темнота окутала палубу.

В эту минуту Чайкину показалось, что кто-то прошел мимо, направляясь к дверям капитанской каюты.

«Верно, сам капитан или Джек», – подумал Чайкин, зная, что никто из матросов не смел переступить порога капитанской каюты и никогда капитан никого из матросов не звал: чтобы дать знать о чем-нибудь капитану с вахты, был проведен с ютовой площадки звонок и, кроме того, была переговорная трубка.

Гаук, посматривавший на горизонт, тоже ничего не заметил.

А между тем действительно двери капитанской каюты, почему-то незапертые, как бывало обыкновенно, бесшумно отворились, и на пороге появилась громадная фигура великана Сама и остановилась, боязливо посматривая на загоревшиеся глаза Тигра, который глухо заворчал, готовый броситься на вошедшего, если бы капитан Блэк, сидевший на диване, не держал бульдога за ошейник.

– Смирно, Тигр. Сиди смирно. Не смей ворчать! – тихо проговорил капитан.

И Тигр тотчас же лизнул руку хозяина и покорно улегся у его ног.

Капитан вынул револьвер и, обращаясь к негру, сказал чуть слышно:

– Подойди поближе... несколько шагов... теперь остановись.

Негр в точности исполнил приказание.

– Ну, говори, что ты, подлая тварь, имеешь мне сказать... Что против меня затевает Чезаре?.. Ведь ты для этого просил позволения видеть поближе твою злодейскую харю!

– Да, сэр! – отвечал Сам, изгибаясь и вращая белками.

– Говори... только покороче! – презрительно вымолвил капитан...

– Несколько слов, сэр... Всего только десять слов, если позволите, капитан...

Этот великан, с громадной отвратительной черной курчавой головой, видимо чувствовал страх перед капитаном, так как его голос вздрагивал и слова с трудом слетали с его выпяченных, толстых кроваво-красных губ. Но вместе со страхом животного, боящегося более сильного человека, у Сама в то же время жила и сильная ненависть, глубоко запрятанная в тайниках его души, к этому белому человеку за то нескрываемое презрение, какое этот белый всегда выказывал негру, точно считая его ниже собаки. Кроме того, у Сама были и старые счеты с капитаном, еще не сведенные, за жестокое наказание плетью, которому в прошлом году подверг его капитан.

О, он до сих пор не забыл этих плетей и с большим удовольствием задушил бы своими молотами-руками это тонкое горло янки, если бы не боялся быть убитым при первой же попытке.

И, стараясь побороть свой страх, негр продолжал чуть слышно:

– Чезаре собирается подговорить всех взбунтоваться, сэр...

– А дальше?

– И выкинуть вас за борт, сэр... к акулам, сэр... Акул здесь много, сэр...

– А потом что?

– А «Динору» сжечь в море, вблизи берега, сэр... А самим на шлюпках добраться до берега, сэр, и погулять на денежки, которые найдут у вас, сэр...

– И все согласны?

– Еще митинга не было, сэр... Но скоро будет... Только Чайка и Долговязого не пригласят... Они не согласятся...

– Почему?

– Они, сэр, другого полета птицы.

– Не такие мерзавцы, как все вы? – усмехнулся капитан Блэк.

– Не такие, сэр... И Чезаре их тоже хочет отправить к акулам, сэр... И всех, кто не согласится...

– Однако я думал, что Чезаре умнее! – промолвил капитан.

И с этими словами он достал со стола золотой и, бросив его негру, сказал:

– Возьми, подлец... И, если что будет нового, опять приходи...

В эту минуту сверху донесся какой-то гул и в то же мгновение громовой голос Гаука.

– Убирайся, и чтоб тебя никто не видел! – сказал капитан.

Негр выскочил из каюты и замер от страха: луна светила вовсю, и Чезаре его увидел...

ГЛАВА VI

Жестокий шквал, налетевший с наветренной стороны, положил «Динору» на бок и понес ее с удивительной быстротой. Марса-фалы и брам-фалы были отданы вовремя, грот и фок были взяты на гитовы, и «Динора», встретившая шквал с уменьшенной площадью парусности, была вне всякой опасности.

Блэк был уж наверху, штурман сменил Чайкина на руле, а Чайкин пошел помогать на бак.

Минут через десять шквал пронесся, но вслед за ним задул довольно свежий попутный ветер, позволивший «Диноре» спуститься по ветру и лечь на надлежащий курс.

Все обрадовались, что задул попутный ветер, но радость была недолгая.

Ветер быстро крепчал, разводя громадное волнение. Пришлось снова вызвать всю команду наверх, чтобы взять риф у марселей и спустить брам-стенги. И то они гнулись в дугу и того и гляди сломаются.

Предосторожность эта была нелишняя. К концу вахты Чайкина в океане уже ревел шторм, один из тех штормов, которые пугают опытных и бывалых моряков.

Благоразумие предписывало выдерживать шторм под штормовыми парусами, держась в бейдевинд, но тогда бриг двигался бы вперед не особенно быстро, а капитан Блэк, напротив, хотел воспользоваться штормом и, так сказать, удрать от него.

И потому, вместо того чтобы лечь в бейдевинд, он спустился совершенно по направлению ветра, то есть на фордевинд, и «Динора» под зарифленными марселями, фоком и гротом неслась как сумасшедшая с попутным штормом, по временам зарываясь носом и черпая бортами. А громадные волны так и гнались сзади, грозя обрушиться на корму и задавить свою тяжестью маленький двухмачтовый бриг.

Но «Динора» убегала от попутной волны и, поскрипывая от быстрого хода всеми своими членами и раскачиваясь направо и налево, летела так, что замирал дух.

На руле стоял Чайкин, подручным у него был Долговязый.

Положение рулевого было ответственное. Надо было не зевать и глядеть во все глаза, чтобы не дать «рыскать» носу; в противном случае волны могли залить нос судна.

Шторм разыгрывался все сильнее и больше, а капитан Блэк, стоявший наверху, и не думал «приводить» к ветру. Словно бы играя и наслаждаясь опасностью, он стоял на ютовой площадке, и его дерзкое, самоуверенное лицо, обыкновенно суровое и бесстрастное, теперь было возбуждено, а глаза искрились, точно в них был и вызов и удовольствие сильных ощущений.

Чайкин правил отлично, и капитан Блэк, обыкновенно скупой на похвалы, крикнул Чайкину.

– Хорошо!.. Очень хорошо правите, Чайк... Оставайтесь и на следующую вахту до восьми... а потом отоспитесь.

– Слушаю, капитан!

– Отчего вы, Чайк, бежали с вашего судна?

– Я не бежал... Я опоздал и остался на берегу...

– Боялись порки?

– Да, сэр.

– А Абрамсон вас подловил?

– Да, сэр...

– Вы, кажется, порядочный человек, Чайк, и я жалею, что вы попали на «Динору». Не зевайте, Чайк!

Действительно, Чайкин чуть было не прозевал, и небольшая волна окатила Чезаре, Сама и еще одного матроса на баке. Те сердито отряхнулись от воды.

Им было не до сильных ощущений, особенно Чезаре. Он понимал опасность положения и сильно трусил. Трусил он, кроме того, и предательства Сама, в чем он почти не сомневался, увидав негра выходящим из капитанской каюты. Но, готовя жестокую месть Саму, он и виду не показывал, что видел выход негра от капитана, и таким образом несколько усилил беспокойство предателя.

– Этак и к акулам легко попасть, Сам? Как ты думаешь, обезьяна? – проговорил Чезаре.

– Все попадем, Чезаре... все попадем! Этот капитан совсем сумасшедший, – жалобно отвечал великан, с трепетом глядя на бушующий океан.

– И ничего нет легче... Только зазевайся на руле... Гибель!

– Гибель!.. – повторил и третий матрос.

– Зачем же он ведет нас на гибель?.. – говорил Чезаре. – И какие же мы будем дураки, если позволим ему вести нас на гибель... И какие же мы будем подлые трусы, если не скажем ему об этом... Пойдемте, ребята, подговорим других и явемся к нему. А если этот дьявол не согласится...

Чезаре оборвал речь и вспомнил, что этот «дьявол» – отличный моряк и что в шторм нет расчета бунтовать против капитана. Для этого нужно выбирать тихую погоду.

Тем не менее страх перед гибелью заставил его обратиться к проходившему боцману и сказать:

– Плохи дела, боцман!

– Он ничего не боится! – ответил боцман, тоже перепуганный.

– А мы боимся.

– Неужели? – насмешливо спросил боцман, сорокалетний янки с худощавым энергичным лицом, вид которого свидетельствовал о злоупотреблении алкоголем и вообще о жизни, проведенной не особенно правильно.

– То-то... На жаркое к акулам мы не хотим попасть.

– А вам бы давно пора, Чезаре.

– Этот вопрос рассмотрим, боцман, в другое время, а теперь мы покорнейше бы просили вас доложить капитану, чтобы он привел в бейдевинд.

– Докладывайте сами, а я не согласен.

– Боитесь этого дьявола? – с насмешливой улыбкой протянул испанец.

– Боюсь, как бы после моего доклада он не прострелил вашего черепа, Чезаре. И рано или поздно, а это случится! – сказал со смехом боцман и отправился на бак.

Чезаре, однако, не принял к сведению этого предостережения. Разыгравшаяся буря и этот дерзкий бег «Диноры» внушали ему серьезные опасения попасть к акулам на жаркое. И, охваченный страхом, он прошел на бак и стал подговаривать других матросов объявить «дьяволу», что погибать они не желают.

Все слушали испанца, казалось, одобрительно. Никому не нравилось это жуткое зрелище бушевавшего океана, среди которого «Динора» неслась с попутным штормом, зарываясь носом и нагоняемая сзади громадными валами. Но никто не решился, однако, протестовать открыто.

Тогда Чезаре юркнул вниз, чтобы возбудить неудовольствие остальных матросов.

Но только что он начал было объяснять об опасном положении «Диноры», как боцман сошел вниз и сказал, что капитан его требует.

Как ни трусил Чезаре попасть на жаркое к акулам, но предстоящее объяснение с капитаном навело на него еще больший страх. И он подошел совсем бледный к мостику.

– Хотите плетей, испанская собака? – крикнул капитан.

Чезаре весь съежился.

– Так они вам будут, если еще раз уйдете с вахты! А пока ступайте проветриться на марс! Посмотрите, не видно ли чего впереди! – насмешливо проговорил Блэк.

Идти на марс в такую дьявольскую бурю не представляло для трусливого испанца ни малейшего удовольствия, и потому он униженным тоном произнес:

– Но, капитан, позволю вам доложить, что я болен...

– Лжете... Лезьте, трусливая тварь, а не то...

Капитан опустил руку в карман...

– Иду, иду, капитан...

И Чезаре благоразумно попятился назад и, цепко держась за вантины, трусивший и полный ненависти к капитану, полез на грот-марс.

Там, на высоте, размахи качающегося на волнах брига были еще сильнее, чем размахи внизу. Чезаре, крепко уцепившийся за перила, держался на площадке, замирая от ужаса. Вид сверху на бушующий океан, освещенный выплывшею из-за туч луной, был действительно потрясающий, и Чезаре с суеверным страхом шептал молитвы, и в то же время в голове его пробегали мысли о мщении.

О, он непременно убьет этого дьявола капитана... Но прежде накажет предателя Сама... Только бы не погибнуть всем...

И вслед за словами молитвы из уст Чезаре вылетали самые ужасные ругательства, заглушаемые воем ветра и гулом шторма.

А шторм все свирепел и свирепел, и капитан Блэк все напряженнее всматривался то вперед, то назад за корму. Положение действительно было очень серьезное, и он это отлично понимал. Неосторожность рулевых – и бриг будет залит волнами... Но эта игра в опасность, казалось, тешила его, и он не менял своего решения удирать от шторма, пользуясь его же силою.

Все чаще и чаще попадали волны на нос брига, и раз или два верхушки громадных валов, осаждавших «Динору» сзади, вкатились с кормы, смывая все на своем пути.

Никто не спал в эту ночь.

Инстинкт самосохранения выгнал подвахтенных наверх, на палубу. На открытом месте казалось не так жутко, как внизу, где ничего не видишь и где воображение преувеличивает опасность. А наверху как будто могла еще быть если не надежда, то иллюзия спасения. Иллюзия эта – бушующий океан.

И все эти попавшие из разных уголков мира люди, большею частью неудачники с самым сомнительным прошлым и с большим запасом греховных дел на совести, молчаливые и серьезные, сбившись в кучку у грот-мачты, со скрытым отчаянием, охватившим их души, смотрели вокруг и чувствовали, что смерть страшно близка. Чувствовали и сильнее жаждали жизни, той жалкой жизни несчастных отверженцев, которая едва ли для кого-нибудь из них не была злой мачехой, невольной, роковой.

И у многих из этих людей всплывали те воспоминания, те эпизоды из ранних лет жизни, которые теплом согревают сердце даже самого ожесточенного судьбою человека, показывая его самого в том виде, когда житейская грязь не оставила еще на нем больших следов.

И этот Сам, напоминающий скорее животное, чем человека, и тот, в ужасе вращая белками, с чувством проговорил, обращаясь к соседу:

– У Сама в Потомаке дочь и сын есть. У Сама и жена есть... И Сам их никогда не увидит. «Динора» непременно потонет в океане! И Сама съедят рыбы! И жена и дети не узнают никогда, где Сам... Они будут думать, что Сам бросил их и никогда не вернется!

Капитан Блэк не покидал палубы всю ночь и не спускал с марса Чезаре, зная, что Чезаре трус и может только навести еще большую панику на матросов, и без того напуганных жесточайшим штормом. Не отходил от руля и штурман Гаук. Он стоял на штурвале, имея подручными Чайкина и рыжего Бутса, и трое с трудом удерживали штурвал.

Чайкин хоть и видал на «Проворном» штормы, но такого, какой ревел в эту ночь, он не испытывал никогда, и ему было жутко. Рыжий Бутс, напротив, был спокоен и сосредоточенно молчал, мечтая о золотых россыпях.

К утру шторм усилился настолько, что волны сзади нагоняли «Динору» и все чаще и чаще вливались верхушками через корму. «Динора» отставала от волны. Приходилось или привести в бейдевинд, или рискнуть на опасную меру: прибавить площадь парусности, чтобы бриг помчался скорее, удирая от волны.

И капитан Блэк решился на последнее и повелительно крикнул в рупор:

– Рифы у фока отдать!

Все ахнули. В первое мгновение никто не тронулся с места.

– Оглохли, что ли? – раздался гневный голос Блэка.

Несколько человек кинулось отдавать рифы.

Большой нижний парус, надувшийся теперь во всю свою площадь, прибавил ходу, и бриг понесся с большей быстротой, весь вздрагивая от быстрого хода и скрипя всеми своими членами. Но волны уже не догоняли судна. Зато бриг зарывался носом, и бак обливался водою. Фок-мачта, казалось, нагибалась чуть-чуть под тяжестью парусов. Опасность от оплошности рулевых увеличивалась еще более. Могла и треснуть фок-мачта.

Но капитан словно бы ничего не боялся, и что-то дерзкое до наглости было в его лице. И он улыбнулся, как бы торжествуя победу над свирепым штормом, которым воспользовался, и только по временам перегибался с высоты юта и кричал вниз, где у штурвала стояли рулевые:

– Не зевайте, Гаук... Дело серьезное.

– Вижу, капитан.

– Лупим отлично.

– Превосходно, капитан.

– Можем прямо и к дьяволам попасть... Как вы полагаете, Гаук?

– Весьма легко, капитан!

– А я этого не хочу, Гаук. Еще не время! – самоуверенно крикнул Блэк.

И снова смолк, посматривая вперед.

– Отчаянный человек этот капитан... Не правда ли, Чайк? – проговорил рыжий Бутс.

– Да... Много в нем храбрости...

– Терять ему нечего... В Сан-Франциско у него все потеряно: и деньги, и репутация, и женщина, которую он любит...

К полудню шторм стал «отходить», и все повеселели.

– Спустите, Гаук, эту испанскую каналью с марса. Теперь уж он не будет своею трусостью смущать других.

– Есть, капитан.

– Становитесь на мое место, а я посплю час-другой... И Чайку хочется, верно, спать? Пусть его сменят!

С этими словами он спустился вниз, сопровождаемый своим бульдогом, и, войдя в каюту, запер ее и проговорил, обращаясь к собаке:

– Сторожи меня, пока я буду спать!

Собака весело мотнула хвостом и легла у двери.

Блэк выпил рюмку рома и, бросившись на диван, моментально заснул.

А набравшийся на марсе страху, голодный и невыспавшийся Чезаре в это время посылал втихомолку проклятия капитану. Спустившись вниз и забравшись в койку, он долго не мог заснуть, придумывая, как бы пожесточе расправиться с предателем Самом и как бы потом взбунтовать команду и выбросить за борт этого дьявола-капитана, прежде чем тот прострелит его, Чезаре, голову.

ГЛАВА VII

1

Прошло после шторма восемь дней.

Погода все это время стояла прелестная. Ветер дул ровный, но не свежий, и «Динора» подвигалась вперед узлов по пяти в час, грациозно поднимаясь с волны на волну и слегка раскачиваясь.

С полуночи до шести часов утра на вахту вышли штурман Гаук, Чезаре, Сам, рыжий Бутс, Чайкин и старый ирландец Маквайр.

Чайкин и Бутс стояли на руле, а так как править было легко, то они коротали свою вахту в разговорах.

Говорил, впрочем, больше Долговязый, а Чайкин слушал, изредка вставляя замечания или обращаясь за пояснениями, когда не понимал слов.

Другие вахтенные дремали, пользуясь спокойною вахтой и уверенностью, что Гаук и рулевые не проглядыт опасности, если такая встретится в виде ли шквала, или встречного судна, с которым надо разойтись.

Великан негр, сбитый с толку вполне приятельским отношением к себе Чезаре за эти три дня, несколько успокоился и думал, что ночное посещение его капитанской каюты не было замечено испанцем и, следовательно, ему не предстоит суда Линча, жестокость которого он узнал по опыту, когда служил на другом купеческом корабле.

Тогда за воровство, свершенное им у товарища, его до полусмерти отодрали плетью в глубине трюма, чтобы ни капитан, ни штурман не слышали отчаянных его криков. А узнай матросы о том, что он шпион, ему, разумеется, грозила бы смерть. Это Сам хорошо знал, так как давно уже служил на купеческих кораблях и знал суровые обычаи моряков.

И он, исполняя теперь обязанности часового, который должен смотреть вперед, беспечно заснул, сидя на носу брига, у самого бугшприта.

Чезаре не спал и, словно тигр, сторожил намеченную им жертву. Во избежание огласки он решил без суда Линча расправиться самому с негром.

Что же касается до плана Чезаре убить капитана и завладеть судном, то исполнение его Чезаре решил отложить, ввиду того что капитан теперь предупрежден и, следовательно, удвоит бдительность.

И Чезаре рассчитывал, что лучше завладеть «Динорой» на обратном пути из Австралии. Тогда добычи будет больше, так как капитан получит деньги за груз.

Все матросы, за исключением боцмана, Чайкина и Бутса, были посвящены в дело, задуманное Чезаре, и вполне ему сочувствовали, предоставив только Чезаре главное: убить капитана.

И Чезаре почти не сомневался, что это дело увенчается успехом, если только удастся как-нибудь подстеречь капитана и напасть на него врасплох, всадив ему в живот нож.

А штурман Гаук под угрозой быть выброшенным за борт, конечно, примет на себя управление «Динорой» и доведет бриг к берегу, чтобы, потопивши судно, можно было безопасно добраться на шлюпках.

Мысли об исполнении этого плана не покидали Чезаре с самого выхода «Диноры» из Сан-Франциско, а в последние дни владели им еще сильнее, и он злился, что благодаря Саму надо отложить свое намерение.

Но в эту ночь Чезаре занят был главным образом Самом.

А ночь была чудная теплая и нежная. Мириады звезд ласково мигали сверху.

В такую ночь всякого человека охватывает доброе, хорошее настроение, и преступные мысли, казалось, не могут закрадываться в голову.

Но Чезаре давно уже очерствел сердцем и, ожесточенный за свои личные неудачи, давно уже озверел и, подобно зверю, жил инстинктами.

И он чуть слышно подкрался к Саму.

Тот сладко всхрапывал во сне.

Тогда Чезаре сильным ударом руки хотел столкнуть Сама за борт.

Но Сам внезапно проснулся и каким-то чудом удержался.

Повернув голову, он увидел Чезаре, понял в чем дело и, в свою очередь, уцепился своими могучими руками за горло испанца.

Несколько секунд между ними шла глухая борьба, и вслед за тем Чезаре полетел за борт...

Через минуту за кормой раздался отчаянный крик о помощи.

Чайкин вздрогнул от ужаса. Рыжий Бутс сказал:

– А ведь это Чезаре за бортом!

Гаук уже командовал убирать фок и обстенить фор-марсель, чтобы лечь в дрейф.

Крики раздавались сильнее и жалобнее.

Они потрясли до глубины души Чайкина, и он, весь охваченный внезапно каким-то необыкновенно сильным чувством, не рассуждая, что и зачем он делает, подбежал к борту и бросился в океан спасать человека.

Все только ахнули. Всегда хладнокровный Бутс изумленно пожимал плечами.

А Гаук проговорил:

– Чайк спятил с ума!

И с этими словами сам побежал помогать матросам убирать паруса и спускать на воду большой ял.

Капитан Блэк уже был наверху со своей собакой.

Когда он узнал в чем дело, то направил бинокль за корму и не отрывал глаз. Луна светила вовсю, и Блэк разглядел быстро плывущего Чайкина и в некотором отдалении черную голову Чезаре.

Когда ял был спущен и под управлением боцмана отправился в направлении, указанном капитаном, Блэк проговорил, обращаясь к Гауку:

– Если бы не этот дурак Чайк, не стоило бы останавливаться и спускать шлюпки из-за этого мерзавца Чезаре.

– И я того же мнения, капитан. Но из-за Чайка можно и остановиться, сэр. Хороший матрос Чайк...

– Только дурак... Нашел, кого спасать. И как тот упал за борт... Кажется, трусливая каналья.

– Верно, заснул, капитан, и как-нибудь со сна...

– Странно... Позовите Сама!

Когда явился Сам, капитан по его испуганной физиономии догадался, что тут не без его участия дело, и спросил:

– Ты не видал, как упал Чезаре?

– Не видал, капитан.

И капитан более не спрашивал, рассчитывая узнать причину падения Чезаре потом, когда Сам явится тайно в его каюту.

А Чайкин, бывший хорошим пловцом, не спеша плыл «саженками», рассекая небольшие волны, на крик, не перестававший раздаваться среди тишины беспредельного океана. Наконец он был в нескольких саженях от Чезаре и как раз вовремя. Испанец, плохо плававший и, кроме

того, от испуга совсем растерявшийся, видимо, уже терял силы и отчаянно барахтался в воде, не переставая кричать.

– Hallo! Hallo! – крикнул Чайкин, желая подбодрить Чезаре. – Сейчас помогу вам!

Этот крик, раздавшийся совсем близко, пробудил в Чезаре надежду на спасение, и он старался разглядеть, кто это мог броситься в океан, чтобы спасти его. Он вполне был уверен, что ради него не спустят даже шлюпки, что капитан рад будет отделаться от него и оставит его на съедение акулам, и вдруг нашелся человек, который рискнул жизнью, чтобы спасти такого человека, как он.

«Ужели это правда... Но где же, где же этот спаситель?»

– Ну, вот и я, Чезаре! – воскликнул, подплывая, Чайкин.

– Вы? – выговорил Чезаре, изумленный, что человек, которого он не терпел и которого чуть было не задушил, не заступись Бутс, его же спасает.

Ничего подобного ведь он не видел в жизни, и сам он не рискнул бы ничем для другого... А этот щедушный матрос...

– Я самый. Не бойтесь, Чезаре... Ложитесь на спину, а я вас буду поддерживать, пока не подойдет шлюпка.

– И шлюпка... Значит, я буду жив?..

И на лице Чезаре вместе с выражением радости мелькнуло что-то мягкое, заменившее жестокость его лица.

Он послушно лег на спину, а Чайкин, держась около, его поддерживал, взглядывая на бриг с обстеленными парусами, покачивавшийся недалеко.

– Вот и шлюпка отвалила! – проговорил Чайкин.

– Отвалила?.. Идет сюда?..

– Сюда.

– Кричите, Чайк... Кричите, прошу вас... Будем кричать вместе, а то...

И Чезаре стал дико кричать.

– Чего вы боитесь?.. Со шлюпки заметили нас...

– А акулы... Вы их разве не боитесь, Чайк?..

При мысли об акулах и Чайкин пришел в неопишуемый ужас.

И он начал кричать, думая криком поторопить шлюпку, и, охваченный страхом, ждал, что вот-вот его за ногу схватит акула и увлечет в глубину.

«Господи, спаси!» – мысленно молился он.

Шлюпка приближалась. Это увидел Чезаре и смолк. Смолк и Чайкин.

– А Сам в шлюпке? – спросил вдруг Чезаре.

– Сама нет...

– Большой мерзавец этот Сам! Знайте это, Чайк. После я расскажу... А вы... вы, Чайк, спасли мне жизнь, а я хоть и большой негодяй, никогда этого не забуду... Верьте этому! – прибавил Чезаре, и голос его чуть-чуть дрогнул.

В эту минуту подошел ял, и обоих матросов подняли на шлюпку.

Гребцы с удивлением смотрели на Чайкина.

А боцман сказал, подавая ему фляжку с ромом:

– Выпейте, Чайк... Оно полезно после ванны...

И тихо прибавил, крепко пожимая Чайкину руку:

– Вы вполне джентльмен, Чайк!

Чайкин отпил из фляжки и передал ее Чезаре. Тот жадно прильнул к ней.

– Счастливый вы, Чезаре! – насмешливо обратился к нему боцман, отнимая у него флягу...

– Какое счастье, когда вы не дали сделать нескольких глотков.

– Будет с вас, я не про то хотел сказать.

– А про что?

– Не будь на «Диноре» вот этого молодца, – указал боцман на Чайкина, – не пить бы вам никогда рому... Впрочем, кому быть повешенным, тот не утонет... Вы – живое доказательство! – смеясь прибавил боцман.

Засмеялись и другие.

Когда ял вернулся к бригу и был поднят, Чезаре сконфуженно вышел на палубу и был встречен следующими словами капитана:

– Если вы опять доставите мне удовольствие упасть за борт, то знайте, что шлюпки за вами не пошлю...

И, обратившись к Чайкину, прибавил:

– А вам, Чайк, не советую впредь спасать таких джентльменов, как Чезаре. Он еще покажет вам свою благодарность, эта испанская собака! Ну, тогда уж я с ним сам рассчитаюсь. Пусть он это знает! А теперь переоденьтесь, и к своему делу!

Через несколько минут «Динора» снова плыла прежним курсом, и капитан спустился к себе.

Разошлись и подвахтенные. Внизу они еще несколько минут толковали о происшествии. Удивлялись, как это Чезаре мог свалиться за борт, и еще более удивлялись поступку Чайкина.

Ни одна душа не знала о столкновении Чезаре и Сама, и Чезаре всем объяснял, что свалился за борт, бывши сонным. Сам тоже ничего не рассказывал.

Вахтенные снова задремали. Заснул и Чезаре, примостившись у марса-фальной кадки.

Но сидевший на носу Сам не смыкал глаз. Он, видимо, находился в большом беспокойстве и при малейшем шорохе пугливо озирался.

Чайкин опять занял свое место у штурвала рядом со своим подручным Бутсом.

Несколько времени рыжий Долговязый молчал и наконец сказал:

– Знаете ли что, Чайк?

– Что?

– Вы большой чудак, я вам скажу, и я вас очень уважаю, но только я согласен с капитаном.

– Насчет чего?

– А насчет того, что рисковать жизнью за такого негодяя, как Чезаре, очень глупо.

– Да ведь и он человек... Как вы полагаете, Бутс? – спросил Чайкин.

– То-то, что очень мало похож на человека. Помните, Чайк, как подло он дрался с вами?

– Помню. Душил было... И если бы не вы...

– Он бы вас задушил... Это весьма вероятно. Так какой же это человек, Чайк?

– Такой или другой, а все-таки... жалко человека! – с каким-то упорством добродушия настаивал Чайк.

– Так вы спасли бы и вашего старшего офицера, который вас драл на вашем клипере и заставил остаться в Америке?

Чайкин на секунду задумался и потом уверенно ответил:

– Я думаю, спас бы.

– Чтобы он вас, Чайк, снова порол? – насмешливо спросил янки.

Этот вопрос несколько смутил Чайкина.

– Это, верно, у русских такая нелепая доброта, Чайк! А все-таки я вас за это люблю, Чайк, хотя бы не выбрал вас в президенты... И знаете ли что?

– Что, Бутс?

– Непременно бросайте «Динору» и пойдем вместе искать золото... Тут на «Диноре» просто-таки страшно и быть... И Чезаре, и Сам, и другие... И этот Блэк... Поверьте, что тут что-нибудь да случится... Матросы взбунтуются, и кончится дело тем, что выбросят Блэка за борт или Блэк застрелит одного-двух... Мне уж давно кажется, что Чезаре что-то замышляет... Так лучше бросить «Динору»... Так, что ли, Чайк?

Но Чайкин колебался.

Ему не нравилось на «Диноре», но и заниматься совсем незнакомым ему делом было страшно. И он рассчитывал, вернувшись в Сан-Франциско, поискать «сухопутного» места, где-нибудь около земли, по крестьянскому делу, которое больше всего манило его.

– Страшно, Бутс! – ответил он.

И Долговязый стал снова убеждать Чайкина, обещая ему, что через несколько месяцев они вернутся во Фриски не матросами, а пассажирами I класса на отличном пароходе и богатыми людьми. Тогда Чайк может купить ферму и делать на ней что ему будет только угодно...

Начинало рассветать.

Солнце медленно и торжественно выплывало из своих пурпурных риз, заливая небосклон переливами самых нежных красок. Все вокруг вдруг осветилось радостным светом наступившего чудного утра.

Океан словно бы потерял свою ночную таинственность и тихо и ласково рокотал, покачивая на своей мощной груди маленькую «Динору».

Чайкин и Бутс любовались восходом, и оба почти одновременно проговорили:

– Как хорошо!

А Гаук в эту минуту всматривался в горизонт, не отрывая бинокля от глаз, и вдруг проговорил, обращаясь к рулевым:

– Поздравляю вас, Чайк и Бутс!

– С чем? – спросили оба.

– С берегом.

– А разве виден?

– То-то сейчас открылся, и, если ветер не переменится, завтра будем на якоре в Сиднее. Только вы, Чайк, берега не увидите.

– Почему?

– Едва ли капитан кого-нибудь отпустит. Нам предстоит много работы.

2

На следующий день перед заходом солнца «Динора» пришла в Сидней и стала на якорь в порядочном расстоянии от берега.

К вечеру пароход подвел на буксире баржи, и тотчас же началась спешная выгрузка.

Капитан действительно объявил, что никого не отпустит на берег. Только Бутс, как нанявшийся исключительно на один переход, имел право оставить бриг по окончании выгрузки.

Бутс не переставал сманивать Чайкина остаться в Сиднее, чтобы потом отправиться в глубь страны искать золота, и Чайкин наконец решился просить рассчитать его и отпустить с брига. Причиталось ему около пятидесяти долларов, и с этими деньгами он рассчитывал обернуться первое время.

Но штурман, к которому Чайкин обратился с этой просьбой, решительно объявил ему, что капитан Блэк не отпустит Чайка.

– Но я не подписывал бумаги! – старался объяснить Чайкин.

– Все равно. Не отпустит и не даст расчета. У него, видите ли, уже готов давно новый груз. Он торопится взять его и уходить. Будем грузиться день и ночь. И то мы запоздали. А надо еще вытянуть такелаж. Он ослаб после шторма. Работы по горло, и некогда искать нового матроса.

– А куда мы отсюда пойдем?

– Я и сам не знаю!.. А вы напрасно хотите оставаться в Австралии. Верно, Бутс золотом сманивает. Так ведь он сумасшедший, и вы ему не верьте, что скоро сделаетесь богачом. Уж если хотите быть миллионером, то подождите, пока «Динора» вернется домой, во Фриски. Там

и оставите бриг, если здесь вам не очень нравится... Только уж шельму Абрамсона комиссионером не берите. Поняли, Чайк? Все поняли? – засмеялся штурман.

– Все не все, а понял, сэр!

– У нас в Северной Америке можно разбогатеть, если у вас хорошая башка. Только вам, Чайк, не разбогатеть. Вы даже из-за Чезаре готовы бросаться в воду! Это, впрочем, не мое дело... А если вы настаиваете уйти с «Диноры» с Бутсом, то я скажу капитану. Хотите?

– Скажите.

– Ладно. Как только он выйдет, скажу и посмотрю, что из этого выйдет.

Капитан Блэк только раз съезжал на берег и пробыл на берегу целый день. Все остальное время он оставался на бриге и нередко выходил на палубу и поторапливал выгрузкой.

Чезаре всех уверял, что капитан получил деньги и за груз и за фрахт и что у него в каюте такая изрядная сумма денег, что хватило бы на всех матросов.

Чайкин в числе других матросов подавал из трюма мешки, когда боцман сказал ему, что его требует капитан.

– Где он?

– На юте. Идите скорей, Чайк.

Чезаре подозрительно взглянул на Чайкина.

– Зачем он вас зовет? – спросил неожиданно Чезаре.

– Хочу уходить с «Диноры».

– Так он вас и пустил! – засмеялись многие.

Когда Чайкин, поднявшись на ют, приблизился к капитану, тот спросил довольно мягко:

– Хотите уходить, Чайк?

– Да, сэр! – ответил Чайкин.

– Вы не вправе, Чайк. Должны были предупредить при найме.

– Я не знал этого.

– Верю вам, Чайк, и рассчитал бы вас, но тогда я должен отпустить и других, если они захотят. Вы понимаете?

– Понимаю, капитан.

Блэк помолчал и, оглядывая с ног до головы Чайкина любопытным взглядом, продолжал:

– И знаете ли, Чайк, послушайте моего совета: не ищите вы золота в Австралии. Мне Гаук говорил... И вообще не идите в золотоискатели. Это – игра, а для игры нужны деньги, которых у вас нет. Потерпите-ка на «Диноре»... А когда вернемся во Фриски, я охотно помогу вам приискать порядочное место. Вы стоите этого, Чайк! Стоите, Чайк! – повторил Блэк.

И его, обыкновенно суровый, голос звучал мягко и ласково.

Чайкин поблагодарил капитана.

– Поблагодарите, когда дело будет сделано, а пока скажите Гауку, что с первого числа вы получаете, как рулевой, двадцать пять долларов в месяц. Понимаете, что я вам сказал, Чайк?

– Понимаю и...

– Не благодарите, Чайк, а скажите от меня Бутсу, что он спятил с ума. Откуда это он слышал, что в Австралии есть золото?

– Не знаю.

– Он, этот Бутс, решительно безумный человек, если воображает найти золото... Жаль, что он уходит... Он тоже порядочный парень... Можете идти, Чайк... Да смотрите, остерегайтесь Чезаре! – тихо прибавил он.

Чайкин ушел от капитана, очень довольный прибавкой жалованья. О таком заработке он никогда и не мечтал.

– Ну что, Чайк? Как ваше дело? – спросил его штурман.

– Остаюсь. Но капитан прибавил мне жалованье и велел вам сказать.

– Сколько он вам назначил?

– Двадцать пять долларов.

– Очень рад за вас, Чайк, и рад, что вы остаетесь на «Диноре».

Когда Чайкин спустился в трюм, чтобы снова приняться за работу, со всех сторон посыпались вопросы:

– Ну что, очень вас ругал капитан?

– Обещал плетей, собака?

– Грозил размозжить голову?

И когда Чайкин стал объяснять, медленно выговаривая слова и путаясь в них, что капитан не ругался, а, напротив, прибавил жалованья, то решительно все были изумлены.

И даже боцман воскликнул:

– Вот так штука! Чем вы укротили этого человека?

– Положим, вы стоите прибавки, Чайк, – вкрадчиво проговорил Чезаре, – а все-таки... удивительно. Впрочем, у капитана теперь много, много денег.

– Откуда? – спросил кто-то.

– А за груз получил!

– Вы видели, как он получил? – спросил насмешливо боцман.

– Этого не видал, но кое-что другое видел, когда капитан с берега вернулся... У него, должно быть, столько денег, что всем нам было бы довольно! – значительно продолжал Чезаре, когда боцман ушел.

Сообщение Чезаре, видимо, произвело впечатление.

Выгрузка была окончена в двое суток, и Бутс уехал с брига.

Прощаясь с Чайкиным, Бутс крепко пожал ему руку и сказал:

– Жалею, что вы не хотите быть миллионером, Чайк. Надеюсь, встретимся еще... Вот адрес моей матери в Фриски. Через нее вы узнаете, где я.

Чайк, в свою очередь, благодарил Бутса за все, что он сделал для него, и когда Бутс уехал с «Диноры», чувствовал, что остается теперь одиноким.

Нагрузка шла спешно. Чезаре уверял, что ящики, которые грузили на «Динору», были полны ружьями и предназначались для южан, которые в это время вели войну с северянами...

ГЛАВА VIII

1

По окончании спешной нагрузки «Динора» снялась с якоря и взяла курс на мыс Горн.

Куда именно направлялся бриг, никто не знал. Не знал этого и штурман Гаук и, по-видимому, не особенно интересовался знать, в какой порт идет «Динора».

И когда боцман как-то спросил его, куда бриг идет, штурман пожал плечами и, смеясь, ответил:

– А может быть, к самому черту. Не все ли равно?

Не интересовал его, казалось, и груз. По корабельным книгам было записано, что груз «Диноры» – железные изделия, а что там было, его не касалось, так как расписки в приеме груза выдал не он, а капитан. Гаук подозревал только, что железные изделия едва ли могли иметь сбыт в Америке, да и слышал, что из Австралии железных изделий не возят, но благоразумно помалчивал и, разумеется, не задавал по этому поводу никаких вопросов капитану.

Его только озабочивало, и сильно озабочивало, то обстоятельство, что бриг на этот раз был сильно перегружен, так что борты его слишком мало возвышались над водой. Таким образом, при шторме брига угрожала большая опасность быть залитым водой.

И Гаук однажды даже решился обратить на это внимание капитана.

Но Блэк, конечно сам отлично понимавший, какой опасности подвергается судно, слишком нагруженное, лаконично процедил сквозь зубы:

– Не беда!

И действительно, беды, казалось, не предстояло.

Погода стояла превосходная и вполне благоприятная для счастливого плавания. Ветер был попутный, не крепкий, а ровный, «брамсельный», как говорят моряки, и «Динора», имея на себе все паруса, какие только можно было поставить, подвигалась к мысу Горну, делая в сутки от ста до ста двадцати миль.

Но, несмотря на это, Блэк, видимо, был чем-то озабочен и в течение дня почти не сходил с палубы и сам внимательно посматривал в подзорную трубу, особенно когда на горизонте белели паруса встречных судов или чернел дымок.

Однажды, завидя на горизонте судно, по мачтам и оснастке несомненно военное, Блэк немедленно скомандовал поворот «овер-штаг» и направил «Динору» по такому курсу, чтобы избежать встречи с военным судном под флагом Северо-Американских Штатов.

И только, когда военное судно скрылось из виду, «Динора» снова повернула на прежний курс.

– Заметили, господа, в чем штука? – говорил потом внизу Чезаре матросам. – Боится встречи с военным кораблем, потому что мы везем военную контрабанду. Захвати нас северяне янки, – пропал и груз и «Динора». Он этого и боится! А между тем сам дьявол получит большие деньги, а нам платит черт знает как... Надо бы с этим покончить... Как вы думаете, господа? Могли бы и мы сами сообща продать груз южанам и поделить денежки...

– Конечно, могли бы! – отвечали многие матросы.

– А Гаук довел бы «Динору» в какой-нибудь порт южан не хуже этого дьявола!..

– Отчего не довести!

– А Блэк и умереть мог бы, не правда ли? Стоит только показывать всем одно и то же. А кто не согласен, тот мог бы раньше уйти с «Диноры»... Да и не станут в военное время особенно расспрашивать, куда девался капитан и чей груз. Верно ли я говорю, господа?

Этот разговор между пятью матросами происходил внизу. Сама не было. Все, по-видимому, находили предложение Чезаре очень заманчивым. Но старый ирландец сказал:

– Догадается ли отправиться на тот свет капитан, вот в чем штука?

– Это уж мое дело! – отвечал Чезаре.

– А если твое, то мы очень были бы рады... Такой случай не скоро приходит...

– Только Горн обогнуть, и тогда я займусь этим делом! – сказал Чезаре. – А пока ни гугу! – прибавил он.

Обыкновенных бурь, встречающих суда у мыса Горна, на этот раз не было, и ветер хоть и был свежий и волны поднимались большие, но «Динора» благополучно обогнула мыс и вошла в Атлантический океан.

– Везет капитану! – заметил по этому случаю Гаук, обратившись к Чайку.

Казалось, и сам Блэк сознавал, что ему «повезло» миновать Горн с перегруженной «Динорой» так счастливо, и он, видимо, повеселел. Вдобавок погода в Атлантическом океане стояла чудесная, а когда бриг вошел в тропики и получил пассат, то капитан Блэк с каким-то дерзким самоуверенным видом сказал однажды штурману:

– Видите, Гаук... Я выиграл ставку без больших козырей!

– Выиграли, капитан, пока... И можно сказать, без одного козыря! – отвечал Гаук.

А про себя подумал: «Плавание еще не окончено!»

– Теперь уж Горна впереди нет... Значит, не «пока». Вы, Гаук, разве никогда не рисковали?

– Случалось.

– Ну и я рискнул.

Но если капитан Блэк был вполне доволен благоприятными условиями плавания, то это, однако, еще не успокаивало его. И чем больше к северу поднималась «Динора», тем нервнее и беспокойнее становился он, хотя и тщательно это скрывал. К северу чаще попадались навстречу суда, что не особенно приятно было Блэку. И он почти все время находился наверху, сторожа их, и только, когда ночи были темные, высыпался часа четыре крепким сном.

Он хорошо знал, что американские крейсера северян шныряют в этих местах, осматривая подозрительные суда, а «Динора», сильно нагруженная, была очень подозрительна. Но зато, в случае благополучного прихода в один из портов южан, он наживет сразу хорошие деньги, так как груз был взят Блэком за свой страх и ружья куплены за его счет.

«С этими деньгами можно попробовать снова счастья и...»

Обыкновенно на красивом и энергичном лице Блэка появлялось угрюмое выражение, когда он думал вслед за «счастьем» о той особе, ради которой он добивался «счастья», то есть денег, всеми средствами и портрет которой был в его каюте. Недаром же этот человек, казалось ничего не боявшийся, с каким-то восторженным благоговением смотрел на портрет, припоминая черты лица, которые напрасно старался забыть. Недаром же он решил, что эта особа должна быть его женой, хотя она не только не обещала ему этого, но, казалось, со страхом смотрела на Блэка и холодно отвечала на его привязанность, зная по опыту бешеную ревность этого человека, благодаря которой она чуть не была им убита.

Казалось, судьба покровительствовала Блэку. До сих пор «Динора» плыла счастливо и ловко скрылась при двух встречах с американскими крейсерами.

«Динора» уже огибала Антильские острова, нарочно в далеком расстоянии, и теперь взяла курс на Нью-Орлеан. Но именно здесь, недалеко от берегов, и предстояла большая опасность встречи с крейсерами.

И Блэк в эти дни был в особенно нервном настроении.

2

Озабочен был и Чезаре.

Заботы эти вызывались его упорным желанием отправить на тот свет ненавистного ему капитана Блэка.

Испанец лелеял эту мысль. Он обдумывал с упорством маньяка, как бы незаметно подкрасться к капитану сзади и всадить ему нож между лопатками. Словно тигр, сторожил он капитана по ночам, притаившись у выхода из капитанской каюты, но ни разу не представлялось удобного момента, чтобы напасть сзади. Чезаре, разумеется, был слишком трусливым человеком, чтобы напасть открыто, и знал, чем рискует.

А между тем «Динора» уже была недалеко от цели плавания. Еще дней пять-шесть попутного ветра – бриг войдет в порт, и груз, на который так рассчитывал Чезаре, минует его рук. Не достанутся ему и деньги, которые, по расчетам Чезаре, должны были находиться в капитанской каюте.

И Чезаре негодовал, точно у него отнимали его собственность.

Убедившись наконец, что капитан так осторожен, что его никак не поймать врасплох, Чезаре жадно ухватился за мысль, которая внезапно осенила его.

Мысль, казалось, действительно была превосходная, и капитан будет в его руках.

И Чезаре весело улыбался в тот темный теплый вечер, когда его осенила идея, казавшаяся ему великолепной.

Он вышел наверх и направился к Саму, который, свернувшись, лежал на баке.

Заметив Чезаре, негр вскочил.

– Не бойся, Сам! – прошептал Чезаре.

Но Сам подозрительно вращал своими белками.

– Говорю: не бойся! У меня в руках ничего нет, а ты, скотина, сильнее меня... Пойдем вниз. Мне надо с тобой поговорить!

– Если ты пойдешь вперед, я пойду за тобой.

– Ладно.

И Чезаре двинулся. Сам осторожно пошел за ним.

Когда они спустились вниз, в маленькой матросской каюте не было никого.

– Хорошенько слушай, Сам, что я тебе скажу.

– Буду хорошо слушать, Чезаре.

– Я знаю, что ты предатель... Я видел, как ты выходил тогда ночью от капитана. За это я и хотел отправить тебя к акулам. Это не удалось, но я могу рассказать всем, что ты предатель, и ты знаешь, что значит суд Линча!.. Знаешь, чем это пахнет?..

Сам вздрогнул.

– Но я этого не сделаю, если ты захочешь.

– Не сделаешь? – радостно воскликнул негр.

– Не сделаю, но, разумеется, если ты устроишь со мною одну штуку.

– Какую?

– Дать мне случай всадить нож капитану. Тогда груз будет наш, и деньги капитанские наши. Деньги за груз разделим между всеми поровну, а деньги – с тобою пополам. Хочешь сразу разбогатеть и жить джентльменом со своей семьей?.. Хочешь, Сам?

– Но как это сделать, Чезаре? – спросил Сам, радостно оскаливая зубы.

– Ничего нет проще... Сегодня же ночью постучись в капитанскую каюту. У тебя ведь условленный стук... Не так ли?

Сам мотнул головой в знак согласия.

– И когда ты войдешь, я шмыгну за тобой, и мы в одну секунду покончим с Блэком.

– А собака? – испуганно прошептал Сам.

– Ты всади ей нож в горло, а с капитаном прикончу я... Дельце будет хорошее. В несколько минут все будет сделано чисто... И ты, Сам, искупишь этим свою вину и наживешь деньги...

– Дело хорошее, Чезаре, но...

– Жалко тебе, что ли, этого дьявола?

– Его не жалко, я сам задушил бы его, а страшно.

– Чего?

– Как бы капитан не прикончил нас самих, Чезаре, – вот чего страшно.

Чезаре набожно перекрестился и промолвил:

– Он не будет ждать смерти, и она придет... Он не успеет вскочить с места, как нож будет в его сердце... Понял, Сам?

– Понять-то понял...

– И согласен?

Сам в нерешительности молчал.

– Или ты находишь более выгодным попасть в наши руки, Сам, как шпион?

– О нет, нет... не хочу.

– Стало быть, согласен?

– Согласен.

– Вот это умная игра, Сам... Ты не такой дурак, как я полагал.

– Когда же сделать эту штуку, Чезаре?

– Сегодня ночью, после полуночи, как вступим на вахту.

– Так скоро?..

– Чего же ждать?.. Ждать, когда придем в порт, что ли? – засмеялся Чезаре.

– Нельзя ждать! – согласился и негр.

– Так дело сделано?

– Сделано.

– Но только смотри, Сам, от меня не отходи... Мы до окончания дела не расстанемся ни на минуту... Понимаешь?

– Понимаю, Чезаре.

– А чтобы нам не было скучно, сыграем в карты... Хочешь?

– Давай...

– И по доллару партия...

– А на какие деньги?

– На настоящие... Надеюсь, после полуночи будет чем расплатиться проигравшему! – значительно проговорил Чезаре.

С этими словами он вынул из кармана штанов засаленную колоду карт.

Негр увлекся игрой, горячился, проигрывал и удваивал ставки, и когда пробило восемь склянок (12 часов), Чезаре имел на Семе сто долларов.

– Ну, теперь пойдем другую игру играть! – проговорил Чезаре и тихо прибавил: – Остер ли нож у тебя? Возьми лучше мой!

И Чезаре подал негру хорошо отточенный нож.

– А ты с чем, Чезаре?

– Вот с этой игрушкой! – ответил с жестокой усмешкой испанец, вынимая из кармана штанов другой нож, длиннее и уже того, который дал Саму.

– Хорошенькая игрушка! – почтительно прошептал негр.

– Особенно если после удара повернуть ее в чужом сердце! – сказал Чезаре, опуская игрушку в карман. – Ну, идем!

3

Капитан Блэк спал тем тревожным сном, каким нередко спят моряки в море, особенно когда есть какая-нибудь опасность для судна. А для «Диноры» опасностей было немало, и они казались еще страшнее ввиду близости порта назначения.

Вероятно, капитану «Диноры» снились американские военные крейсера, потому что по временам он вскрикивал, ругался и командовал к поворотам. Однако он не проснулся, когда в первом часу ночи раздался тихий и осторожный стук в двери его каюты. Зато Тигр, лежавший у порога, поднял уши и тихо заворчал.

Стук повторился, а капитан Блэк громко храпел на диване в своем желтом халате.

Тогда собака поднялась, подошла к дивану и осторожно коснулась лапой ноги своего хозяина.

Блэк мгновенно проснулся и, нащупывая в кармане револьвер, вскочил с дивана.

В двери постучали снова три раза.

Капитан, оторванный от сна, был раздражен. «Чего этому мерзавцу надо?» – подумал он и, прежде чем отворить двери, отдернул занавеску с одного окна, выходившего на палубу, и прислушался. На бриге все, казалось, было благополучно. Царила тишина. Только раздавались шаги Гаука над каютой.

Блэк задернул занавеску и, подойдя к двери, повернул ключ и тихо сказал:

– Входи, Сам!

И с этими словами быстро отскочил к дивану и, обращаясь к Тигру, прошептал:

– Смотри хорошенько, Тигр!

Негр вошел и, поклонившись, стал у дверей, испуганный и растерянный.

Тигр продолжал глухо ворчать.

– Запри двери, скотина, и говори, зачем пришел!

Едва капитан произнес эти слова, как из-за громадной фигуры негра нырнула маленькая, приземистая фигура Чезаре с ножом в руке и бросилась на Блэка.

Блэк едва успел отскочить в сторону и, не теряя хладнокровия, выстрелил в испанца.

Тот с проклятием упал, пораженный в голову.

Сам между тем старался избавиться от Тигра, который вцепился зубами в ногу негра и не пускал его.

– Простите, капитан! Это Чезаре... заставил меня... Он уговорил...

– Я тебя прощу! – промолвил капитан.

И с этими словами в упор выстрелил в негра. Сам, шатаясь, опустился на пол.

Тогда капитан отворил двери и крикнул:

– Эй! На вахте! Выбросить этих двух мерзавцев за борт!

– Я... жив... я не хочу за борт! – прохрипел Чезаре.

– И я... жив... я поправлюсь... Пощадите, капитан! – простонал негр.

Боцман и два матроса стояли в нерешительности.

– Боцман! Слышали приказание? – холодно проговорил Блэк. – Или вам жаль этих двух негодяев, которые хотели убить меня и не сумели?

Боцман и матрос подняли Чезаре. Он уже был мертв.

Через минуту труп его был за бортом.

Сам продолжал молить не бросать его в воду. Он лучше умрет на бриге, где-нибудь в трюме... Он никому не будет мешать...

– Берите этого предателя и в море его!..

– О капитан... сжальтесь... Ради миссис Диноры сжальтесь! – вдруг сказал негр.

– Бросить его в трюм! Пусть околевает на бриге! – вдруг переменял решение Блэк, услышав имя невесты.

Негра унесли в трюм.

Блэк поднялся на ют и несколько минут ходил взад и вперед, не роняя слова. По временам он всматривался в мрак ночи и взглядывал на белевшуюся за кормой ленту воды. Бриг шел хорошо при свежем ветре.

«Завтра придем!» – подумал Блэк.

И в голове Блэка роились радостные мысли о благополучном окончании плавания и о хорошем дельце, которое даст ему немало денег. И тогда он уедет немедленно в Сан-Франциско... И там он снова увидит свою невесту...

«Знал, чем тронуть меня!» – пронеслось в голове у капитана, когда он вспомнил о негре.

И, вспомнивши о нем, он сказал Гауку:

– Мне очень жаль, что я не прикончил сразу Сама. Это животное стоило того.

– Я думаю, капитан, все это дело – штука Чезаре.

– Разумеется. Он захотел меня отправить на тот свет. А затем отправил бы вас и Чайка...

– Без сомнения! – ответил штурман.

– Но только Чезаре плохо рассчитал. Все дело в хорошем расчете, не правда ли? Завтра будем, Гаук, в Нью-Орлеане и убедимся, хорошо ли я рассчитал! Крейсеров что-то не видно...

– До завтра еще часть ночи, капитан.

– И штормы здесь разыгрываются быстро. Вы это хотите сказать, Гаук?

– Именно. И «Динора» перегружена, капитан.

– Верно. Но зато и ваши карманы, Гаук, я перегружу долларами... Только бы завтра скорей наступило!

– И не было неожиданностей, капитан.

В эту минуту на ют поднялся боцман и доложил:

– Молодец в трюме, капитан.

– Жив?

– Живехонек. Зубы скалит от радости. Рана оказалась у плеча...

Когда боцман ушел, капитан сказал Гауку:

– Ужасно трусливое животное этот Сам и ужасно любит жить.

– У него жена и дети в Потомаке, и он их любит, капитан.

– Любит? Разве он может любить?

Блэк помолчал и после паузы проговорил:

– Я думаю, можно перевязать рану этому скоту...

– Не мешает, капитан. Я аболюционист.

– И дать, пожалуй, по этому случаю подушку?

– С подушкой удобнее спать, капитан.

– Так велите перевязать ему рану и дать подушку.

– И, быть может, одеяло, капитан?

– Это ваше дело, Гаук.

– Так я все это сам сделаю, если вы постоите вместо меня наверху.

– Идите, Гаук... И знаете ли что?

– Что, капитан?

– Покажите, что вы не только добрый человек, но и хороший хирург! – с необычной ласковостью в тоне голоса промолвил капитан.

– Человека-то я немножко пропил! – шутиливо ответил Гаук и спустился вниз, чтобы перевязать негра и устроить его получше в трюме.

Его зачерствелое сердце еще доступно было состраданию.

Потрясенный всем только что виденным, стоял наш беглый матросик Чайкин на руле и думал о том близком дне, когда он оставит «Динору». Что будет он делать потом, Чайкин еще не решил, но, во всяком случае, он постарается найти себе другую работу вместо матросской службы. Очень уж страшно было ему снова попасть в такую же компанию товарищей, в какой он очутился благодаря еврею в Сан-Франциско. И он снова вспомнил с благодарностью о доброй Ревекке.

Без нее закалили бы его на три года и дали бы пять долларов жалованья, а теперь он вольная птица и у него уже скоплено сто долларов жалованья благодаря тому, что ему дали прибавку: вместо десяти – двадцать пять. Есть, значит, запас на черный день, и можно будет выбрать работу по душе. А душе его ближе всего была земля. И от своего приятеля Долговязого и от Гаука он слышал, что на Западе хорошо платят хорошим работникам и что там можно очень дешево приобрести кусок земли и сделаться самому хозяином. Работай только!

«Прийти бы только скорей!» – мысленно проговорил Чайкин. Он знал, что бриг нагружен ящиками с ружьями, – об этом осторожно говорили между собою матросы, – и хотя не вполне понимал, отчего это капитан и Гаук избегают встречи «Диноры» с военными судами под американским флагом, но чувствовал, что капитан делает что-то нехорошее, и боялся, как бы из-за этого не вышло чего-нибудь скверного и для него.

Правда, благодаря Долговязому он уже знал права американского гражданина, знал, что без суда ничего с ним не сделают, и настолько свободно уже говорил по-английски, что не боялся очутиться в беспомощном положении на чужой стороне. Да и вообще за это время плаванья на «Диноре» и дружбы с Долговязым наблюдательный Чайкин присмотрелся и к людям, многому научился и многое понял в нравах и обычаях страны, в которую невольно попал, и уже далеко не был похож на того «зелененького», как обзывают американцы всякого вновь прибывшего в их страну. Он сумел бы за себя постоять.

– Чайк! – кликнул капитан с юта.

– Что угодно, капитан?

– Небось рады, что завтра доберемся до берега!

– Рад, сэр!

– И с «Диноры», конечно, уйдете?

– Уйду.

– То-то. И отлично сделаете... Вы слишком порядочный человек, чтобы плавать в такой компании. Да и вообще вы простофиля на редкость, Чайк! Удивительный. И вам трудно будет в Америке, если вы останетесь таким простофилей. Кстати, где спрятаны ваши деньги?

– В сундуке.

– Как сменитесь с вахты, положите их лучше в карман.

– Зачем, сэр?

Капитан рассмеялся.

– А затем, чтобы у вас остались деньги. Завтра ведь берег. Поняли, Чайк?

– Понял.

– Так не забудьте, что и вам нужны деньги, тем более собственные. Можно полюбопытствовать, сколько их?

– Сто долларов.

– Я думаю, у первого матроса на «Диноре» такой капитал! – усмехнулся Блэк. – В монетах?

– Да.

– Так придите утром ко мне в каюту. Я вам обменяю их на ассигнацию. Ее удобнее спрятать... Положим, на груди. Не так ли, Чайк?

– Благодарю вас, капитан. Я и то думал, что неудобно иметь в кармане так много монет.

– Именно неудобно. Их так легко вытащить оттуда.

Капитан помолчал и спросил:

– А что вы думаете с собой делать, как уйдете с «Диноры»?

– Хотел бы найти береговое место... На земле работать.

– Вы отличный матрос и рулевой... Только надо выбрать получше судно... А если желаете быть фермером, – поезжайте на Запад. Я вам дам рекомендательное письмо к двоюродному брату. У него ферма около Фриски... Завтра поговорим еще об этом. Я очень хотел бы быть вам полезным, Чайк. Знайте это!

– Благодарю вас, капитан. Вы очень добры ко мне.

– Не благодарите, Чайк! – остановил его капитан. – Мне вас надо благодарить.

– Меня? За что, капитан?

– А за то, Чайк, что вы заставили меня снова поверить в человека еще тогда, когда бросились спасать Чезаре... Оставайтесь всегда таким простофилей, Чайк! Это, пожалуй, лучший способ прожить, не желая пустить себе пулю в лоб! – прибавил Блэк, и Чайкину показалось, что безнадежная нота прозвучала в словах капитана.

Через несколько минут вернулся Гаук и доложил капитану, что устроил негра.

– Пожалуй, и тюфяк ему дали?

– То-то, дал.

– И, пожалуй, стакан рому дали?

– И рому дал... И рану перевязал... И уж не сердитесь, капитан: я негра перевел из трюма, чтобы крысы его не пугали.

– Куда?

– В шкиперскую каюту. Там нашлось местечко... И...

– Что еще?

– И, с вашего позволения, сказал ему, что вы его простили, капитан.

– А вам, Гаук, идти бы в пасторы! – весело рассмеялся Блэк.

– Боюсь, капитан, что одним пьяным пастором будет больше в Америке и одним недурным штурманом меньше... Надо играть в карты, имея козырей... А ветер что-то свежеет, капитан! – беспокойно прибавил Гаук.

– Разве?

– Наверное.

– Надеюсь, до шторма будем на месте. Хорошей вахты, Гаук! Разбудите, если увидите огни... А в четыре часа я вас сменю.

И с этими словами Блэк спустился в свою каюту и, заперев ее на ключ, лег на диван.

Тигр устроился около.

ГЛАВА IX

1

К следующему утру ветер засвежел до того, что пришлось взять два рифа у марселей, и то перегруженная «Динора» с трудом поднималась с волны на волну, и верхушки их часто попадали на бак.

Но Блэк, по-видимому, не беспокоился. До Нью-Орлеана оставалось всего шестьдесят миль, и он рассчитывал быть в порте до того времени, как разыграется шторм, который мог бы грозить серьезной опасностью «Диноре».

Успокоился, казалось, и Гаук, стоявший с восьмью часов на вахте. Он только особенно внимательно посматривал в бинокль и опытным морским глазом оглядывал рангоуты встречаемых судов, белевших на горизонте. Ни одно из них не возбуждало опасений ни Гаука, ни Блэка.

– Плохо северяне блокируют! – весело усмехнулся он. – Нас раньше прозевали! Теперь крейсеров бояться нечего. Они держатся мористее. Ну, пойду напьюсь кофе, а вы, Гаук, все-таки не зевайте... Да пусть часовые на марсах смотрят в подзорные трубы...

Капитан спустился на палубу и, увидав Чайку, кивнул ему головой и сказал:

– Ну, Чайк, несите свои деньги.

– Они со мной, капитан.

– Так идите ко мне!

Молодой матрос вошел вслед за капитаном в его каюту и, удивленный роскошью ее убранства, осматривал красивую мебель, ковер и стены, увешанные ружьями и фотографиями.

Тигр не ворчал на гостя. Напротив, он соблаговолил даже подойти к нему и, вильнув хвостом, лизнул его руку, после чего улегся на полу.

Блэк между тем открыл железный ящик, в котором Чайк увидел много золота.

– Сколько у вас, Чайк, денег? Сто долларов ровно?

– Сто десять, капитан.

И Чайкин стал вынимать из карманов доллары и разложил их кучками, по десяти долларов в каждой, на круглом большом столе перед диваном.

– Да вы садитесь, Чайк! – пригласил капитан. – Я вас позвал как гостя, а не как матроса!

– Я постою, капитан.

– Как хотите, но удобнее сидеть, и тем более что вы, Чайк, я полагаю, не прочь будете напиться со мною кофе... Что вы на это скажете? Хотите?

– Благодарю вас.

– Да вы не благодарите, а отвечайте, хотите или нет.

– Хочу, капитан.

– Ну, вот это ответ... Эй, бой!

В каюту вошел негр лет пятнадцати.

– Дай нам кофе. Вы с коньяком?

– Нет, капитан.

– Вовсе не пьете?

– Совсем не пью.

– Решительно вы удивительный человек, Чайк, и не будь вы таким доверчивым ротозеем, я сказал бы, что вы наживете деньги. Ну, вот вам банковый билет... Советую вам спрятать его на грудь. Оно будет верней.

И с этими словами капитан подал матросу билет и, взяв со стола сто долларов, положил их в железный ящик и, замкнув его, сел на диван.

– А десять долларов спрячьте. Еще вам за месяц жалования придется получить от Гаука, – у вас и хватит на переезд во Фриски, если вы в самом деле хотите сделаться фермером... Хотите?..

Но Чайкин не отвечал и смущенно повертывал в руке банковый билет.

– Вы, верно, ошиблись, капитан, – проговорил он, кладя билет на стол, – это билет не в сто, а в пятьсот долларов.

– Я не ошибся, Чайк. Я в деньгах не ошибаюсь, Чайк. Вы можете спокойно взять этот билет и спрятать так, чтобы у вас не вытащили его хорошие ребята. Четыреста долларов прошу принять в награду за вашу службу. Вы по совести заслужили их. Лучшего рулевого я не видал.

– Очень вам благодарен, капитан. Дай вам бог всего хорошего! – благодарно и взволнованно проговорил Чайкин.

– Ну, бог едва ли пошлет что-нибудь хорошее такому, как я... А вам, Чайк... наверное, будет в жизни много хорошего. И вот что я вам еще скажу, Чайк. Если вам в Америке – вы ведь простофиля! – плохо придется, если вам нужны будут деньги, – напишите мне. Я вам дам после адрес. Ну, а теперь возьмите свои деньги и давайте пить кофе. И ни слова больше об этом!..

Чайкин благодарно глядел на этого странного человека, наводившего трепет на всех матросов и на него, Чайкина, и теперь казавшегося далеко не таким страшным. И Чайкин никак не мог понять, что это за человек, но чувствовал более, чем понимал, что он находится в какой-то «отчаянности», и пожалел его.

И эту-то невысказанную жалость, вероятно, и прочел Блэк в необыкновенно добром взгляде серых глаз, и от нее и сам Блэк словно почувствовал себя смягченнее и добрее.

И он, видимо заинтересованный Чайкиным, подробно расспрашивал об его прошлой жизни, о службе, о том, как он остался в Америке.

– Еще чашку кофе, Чайк?

– Благодарю. Не хочу...

И Чайкин поднялся с места.

Поднялся и капитан, крепко пожал руку Чайкина и проговорил:

– Письма вам дам, как придем в Нью-Орлеан. Вы в день прихода можете уходить. Разгружать будут негры, и, следовательно, вы не нужны. А чем скорее вы уберетесь с «Диноры», тем лучше... И никому не говорите, что у вас пятьсот долларов.

– Я не скажу.

– А вечером сегодня зайдите ко мне в гостиницу «Юг». Я туда переберусь с брига... Там я вам дам рекомендательные письма. И знаете, Чайк, что надо вам сделать, когда съедете на берег?

– Что, капитан?

– Купить себе новый костюм, а этот выбросить...

Чайкин вышел из капитанской каюты.

Шутка ли сказать – пятьсот долларов! Таких денег он и не думал иметь когда-нибудь, а между тем банковый билет у него в кармане, и он крепко держит его.

А капитан Блэк в отличном расположении духа допивал вторую чашку кофе, заедая его маленькими галетами и предвкушая получку сегодня же крупной суммы за доставленные ружья, как вдруг над его головой раздался звонок.

Это Гаук звал капитана.

В одну минуту он уже был около Гаука, который внимательно смотрел на горизонт в подозрную трубу.

– Что такое? – отрывисто спросил Блэк, взглядывая по тому же направлению, по которому глядел штурман, и не видя ничего невооруженными глазами.

- Подозрительный рангоут, капитан...
- С марсов кричали?
- Нет. Подозрительный, говорю, рангоут... Издали и не отличишь.
- Вы думаете, военное судно?
- А вот посмотрите сами!

И Гаук передал трубу капитану.

Тот так и впился в горизонт. На голубом фоне неба выделялся силуэт трехмачтового судна, одетого во все паруса и шедшего наперерез курса «Диноры».

– Это «Вашингтон»! – дрогнувшим голосом проговорил Блэк, и тень омрачила его лицо.

– «Вашингтон»? – упавшим голосом повторил и Гаук. – Лучший крейсер северян! Уверены ли вы в этом, капитан?

Пораженный неожиданной встречей, Блэк, казалось, не слышал, что говорит штурман.

Так прошла секунда, другая.

– Я им живой не дам! – проговорил Блэк. – Вызовите всю команду наверх и будьте готовы к повороту. Будем жарить прямо к берегу и выбросимся на мель. Там «Вашингтон» нас не поймает, если это он.

И с этими словами капитан спустился на палубу и полез на грот-марс.

Несколько минут прошло, а капитан все смотрел в трубу.

Наконец он спустился с марса и поднялся на ют.

– Отдавайте рифы! Попробуем удрать сперва, а если нет...

– Как бы не залило нас волнением, капитан...

– Выбросим часть груза... Живо отдавать рифы!

Через несколько минут рифы были отданы, и «Динора» полетела скорей. Капитан не спускал глаз с судна, которое так напугало его. Теперь уже ясно были видны в трубу три высокие мачты клиперского вооружения. Не было сомнения, что это был знаменитый парусный ходок и вместе с тем имевший сильную паровую машину – клипер «Вашингтон», перехвативший немало судов, направлявшихся к южанам.

Волны начинали захлестывать «Динору» сильнее; «Вашингтон» уже был виден простым глазом. Расстояние между ним и «Динорой» постепенно уменьшалось.

А ветер крепчал.

– Не бросать ли груз?

– Подождите... Еще, может быть, мы успеем добежать раньше до какого-нибудь военного судна южан... И, может быть, «Вашингтон» повернет!.. – говорил Блэк, стараясь утешить себя и не отрывая глаз от красивого «Вашингтона», который, чуть-чуть накренившись, летел тем же курсом наперерез «Диноры».

Прошло еще четверть часа. Расстояние видимо уменьшалось.

– Кидайте часть груза за борт! – наконец приказал капитан, полный злобы, что приходится кидать в воду большие деньги.

Гаук пошел на бак. В скором времени тяжелые ящики полетели за борт.

Облегченная «Динора» понеслась быстрее.

– Сколько выбросили, Гаук?

– Триста...

– Это пять тысяч долларов, Гаук... Но больше они не возьмут у меня... Глядите... Подняли флаг...

– Какой нам поднять, капитан?

– Поднимите французский.

На гафеле «Диноры» взвился французский флаг.

– Поставьте брамсели, Гаук! – крикнул капитан.

Гаук только пожал плечами и послал людей ставить брамсели.

«Динора» оделась верхними парусами.

Через минуту и на «Вашингтоне» взлетели брамсели.

– За нами гонятся... Ясно! – сказал капитан.

– Сигнал на «Вашингтоне»! – объявил Гаук.

Гаук справился в сигнальной книге и доложил капитану.

– Требуют уменьшить парусов.

– Не отвечать!..

Минуты три висел на «Вашингтоне» сигнал и был спущен.

Вслед за тем раздался выстрел.

– Сколько до Нью-Орлеана, Гаук?

– Миль двадцать пять...

– А близко ли до мели южнее?

– Миль пятнадцать, капитан!

В эту минуту снова раздался выстрел, и ядро шлепнулось в воду в значительном расстоянии от «Диноры».

– Не долетело! – усмехнулся Блэк.

Прошло с четверть часа. Снова раздался выстрел. На этот раз ядро шлепнулось в воду невдалеке от кормы «Диноры».

Блэк взглядывал назад на красавца «Вашингтона», измеряя расстояние между ним и «Динорой» сверкающими злыми глазами, словно зверь, преследуемый охотником.

До Нью-Орлеана не удрать, он это видел. Одна надежда на крейсера южан.

И он сказал штурману:

– Гаук! поднимитесь на марс с подзорной трубой. Не видать ли дымка или паруса?

Скоро Гаук спустился и доложил, что не видать.

– Ну, так лупим к берегу. Спускайтесь, Гаук! Не зевайте на руле, Чайк, при повороте!

– Слушаю, капитан! – отвечал Чайкин, ставший на руль.

Матросы обрасопили реи, Чайкин положил право руля, и «Динора», повернувши влево, понеслась перпендикулярно к берегу, в полный бакштаг, то есть имея ветер сзади себя. При новом курсе ход у «Диноры» значительно прибавился.

Этот маневр был тотчас же замечен на «Вашингтоне».

Спустился и он в том же направлении, что и «Динора», и неся за ней, пуская по временам ядра.

Они падали все ближе и ближе от «Диноры».

Тогда Блэк решился еще прибавить парусов.

– Лиселя с обеих сторон! – крикнул он.

Гаук только взглянул на капитана и скомандовал ставить лиселя.

«Динора» помчалась еще скорей, вся вздрагивая от быстрого хода и зарываясь носом в воде. Волны перекатывались через бак. Брам-стенги гнулись в дугу.

Все матросы замерли в страхе ожидания, что бриг зароеется в волнах и пойдет ко дну. Чайкин с двумя подручными едва справлялся на штурвале, правя рулем в разрез волн и не допуская нос «Диноры» бросаться к ветру.

Сам Гаук, выдавший виды, бледный и серьезный, смотрел вперед, ожидая гибели.

Один только Блэк стоял на юте в вызывающей дерзкой позе и, казалось, не думал об опасности. Он обернулся назад и усмехнулся.

На «Вашингтоне» не решились ставить лиселя.

А ядра стали летать чаще и падали по обеим сторонам «Диноры». Ясно было, что «Вашингтон» все-таки нагонял «Динору».

– Гаук! Где мы находимся теперь? Принесите-ка карту!

Гаук принес из своей каюты карту. Блэк внимательно поглядел на нее.

– Через полчаса будем у банки. Не так ли, Гаук?

– Полагаю, капитан.

– А у начала банки пятнадцать фут на две мили. «Динора» пройдет, а «Вашингтон» не может: он сидит пятнадцать фут. Верно, Гаук?

– Верно, капитан.

– А от того места, где глубина будет двенадцать фут, всего три мили до берега. И если счисление наше верно, то мы будем в пяти милях южнее Нью-Орлеана, и, следовательно, небольшой пароход оттуда спасет наш груз...

– Если не разыграется штормяга, капитан...

– Не думаю... Ветер силен, но до шторма еще далеко!

– Все-таки на шлюпках трудно добраться до берега.

– Все же лучше этот риск, чем отдать «Динору» этому дьяволу...

– Или...

Гаук остановился.

– Попасть раньше к рыбам... Глядите, как нос зарывается!

– «Динора» вывезет! – уверенно сказал капитан.

Ядра участились.

– Торопится пустить нас ко дну! – засмеялся капитан. – Скорей бы отмель...

И Блэк нетерпеливо взглянул на часы.

«Еще двадцать минут. В этот промежуток времени „Вашингтон“ не догонит!» – подумал Блэк.

Ядра начинали падать впереди брига, перелетая с шипящим свистом через головы моряков. Но пока ни одно ядро не попало в «Динору». Расстояние между судами уменьшалось все более и более.

«Если отмель дальше, чем я считаю, то...»

Блэк не окончил своей мысленной речи и, радостный, смотрел на «Вашингтон».

На крейсере убрали паруса.

– На лот! Как глубина?

Один из матросов пошел бросать лот.

– Пятнадцать! – крикнул он.

– Мы на банке, Гаук! – весело проговорил Блэк.

– На банке, капитан!

– «Вашингтон» в дураках!

– Но смотрите: он бросил якорь и поворачивает к нам лагом.

– Хочет дать залп...

Но пока крейсер поворачивался, «Динора» еще убежала вперед.

Раздался оглушительный залп.

Блэк повернулся к «Вашингтону» и низко раскланялся.

– «Динора» нас вывезла, Гаук, она не изменила нам в трудную минуту. Эй, на лоте! Кричать глубину!

– Пятнадцать!

– Отлично. Вот и берег виден.

Действительно, полоска низкого берега виднелась на горизонте.

– Тринадцать с половиною!

Блэк взглядывал на гнущиеся брам-стенги и все еще медлил убирать паруса, желая быть по возможности дальше от «Вашингтона» и ближе к берегу.

Прошло еще минут десять. Лотовой выкрикивал ту же глубину. «Динора» мчалась как бешеная.

– Тринадцать!

– Лиселя долой! Фок и грот на гитовы! И живей, черти! – командовал капитан.

Минут через пять паруса были убраны. Но и под марселями и брамселями «Динора» бежала узлов по десяти.

– Двенадцать с половиной! – во все горло крикнул матрос, бросавший лот.

– Марса-фалы и брам-фалы долой!

И когда «Динора», остановленная в своем беге, пошла тихо, Блэк скомандовал отдать якорь.

Вся команда «Диноры» облегченно вздохнула.

Чайкин перекрестился.

– Счастливо вывернулись из беды! – промолвил Гаук.

– «Динора» вывезла! – весело ответил капитан. – Ну, а теперь надо послать шлюпку на берег, Гаук, и немедленно дать знать в Нью-Орлеан о нашем приходе.

– Шлюпку зальет, капитан.

– По сто долларов каждому, кто поедет, и пятьсот рулевому! Скажите им, Гаук...

В эту самую минуту Блэк посмотрел в подзорную трубу на «Вашингтон», и лицо его мгновенно омрачилось...

– Черти! – произнес он.

Взял трубу и Гаук и увидел, что на «Вашингтоне» спускают баркас.

– Хотят взять нашу «Динору» баркасом!

– Так я им и дал!.. Так я их и подпущу!

И капитан крикнул боцману собрать всю команду.

Все пятнадцать человек собрались перед ютом.

– Джентльмены! – начал капитан, – на нас собираются напасть и отнять бриг. Я думаю не отдавать его и встретить баркас пулями... Но так как я вас не нанимал защищать «Динору» с ружьями в руках, то считаю долгом узнать, кто желает сражаться и кто нет. Кому угодно, тот получит по сто долларов, а кому не угодно, тот на время битвы будет заперт в трюме, чтобы не мешал нам... Когда дело окончится так или этак, не желающие получить по сто долларов будут, конечно, выпущены из трюма или нами, или матросами с «Вашингтона», если они перестреляют всех нас... Выходите, джентльмены, не желающие кутнуть в Нью-Орлеане. Надеюсь, вы верите моему слову? Выходите же, джентльмены, боящиеся пуль... Выходите!

Ни один из матросов не вышел.

– Мы хотим заработать сто долларов! – раздались голоса.

– Очень рад... Сейчас вы получите ружья... Гаук, посмотрите, отвалил ли баркас, и много ли на нем людей?

Гаук посмотрел в трубу и ответил:

– Баркас у борта, под парусами... Сажают людей... Пятьдесят человек... Маленькое оружие...

– Ладно. Через час баркас подойдет... Мы встретим его как следует!

С этими словами Блэк вместе с Гауком и Чайкиным пошли в капитанскую каюту и вынесли оттуда штуцера и заряды.

Вслед за тем матросы стали укладывать на бортах брига койки, круги запасных тросов, парусов и мешки с водой, чтобы иметь прикрытия от пуль.

Гаук распоряжался всеми этими приготовлениями и назначал места матросам.

Блэк в это время писал что-то у себя в каюте. Окончив писание, он спрятал на груди банковые билеты, наполнил карманы золотом, лежавшим в железном шкапе, и, взяв с собою свой штуцер и нащупав в кармане своего короткого пиджака два револьвера, поднялся наверх.

– Послушайте, Чайк! – сказал капитан, подозвав к себе русского матроса. – Если меня убьют, достаньте с груди конверт с банковыми билетами и письмом и доставьте конверт в Сан-Франциско по адресу. Я вам верю. Вы его доставите.

– Доставлю, капитан.

– И скажите на словах этой леди все, что было. Писать теперь некогда.

– Слушаю, капитан.

– А золото в карманах – после раздачи по сто долларов каждому – завещаю, в случае смерти, вам... В карманах есть насчет этого две записки: одна вам, другая Гауку... А теперь по местам. Становитесь около меня, Чайк!

С этими словами Блэк стал у борта на шканцах, за двумя большими кругами очень толстого белого манильского троса, служившего отличным прикрытием против выстрелов.

По обеим сторонам капитана стали Гаук и Чайкин.

Баркас под парусами, шедший среди волн, был уже виден простыми глазами.

Блэк не спеша зарядил свое ружье. То же сделал и Гаук. Медленно заряжал и Чайкин.

Он был, видимо, взволнован.

«Неужели придется стрелять в людей? И за что?» – думал Чайкин, и лицо его омрачилось выражением недоумения и тоски.

– Готовы ли, джентльмены? – крикнул Блэк.

– Готовы, капитан! – отвечали матросы.

– Стрелять не раньше, как я прикажу. И целиться хорошенько!

И капитан обошел вдоль борта и вернулся на свое место, осмотревши, хорошо ли прикрыты стрелки.

– А вы, Чайк, что нос повесили? Трусите?

– Да, капитан! – ответил Чайкин.

– Бойтесь, что вас убьют?

– Людей убивать страшно, капитан!

– Но тут игра в открытую. Если вы не убьете, вас убьют!

– То-то я и думаю, что лучше не быть убитым и не убивать!

– Так идите вниз, Чайк.

– Нет, капитан, я не пойду. И то нас немного. И я не оставляю вас в беде. Я добро ваше ко мне помню и не забуду! – горячо проговорил молодой матрос.

Блэк взглянул на это простодушное лицо, на эти добрые проникновенные глаза Чайкина и в каком-то раздумье произнес:

– Вы редкий экземпляр человеческой породы, Чайк!..

И, проговорив эти слова, примолк и задумался.

2

– Капитан! баркас поворачивает назад! – воскликнул вдруг Гаук.

Блэк взглянул перед собой. Действительно, баркас поворачивал назад.

Капитан поднялся на ют и направил подозрную трубу на «Вашингтон». На фор-брам-стенге крейсера подняты были позывные, призывавшие шлюпку к борту.

Блэк недоумевал.

Но скоро недоумение его рассеялось, и радостная улыбка озарила его лицо, когда он обвел трубой горизонт и увидел дымок со стороны Нью-Орлеана.

Через несколько минут обнаружился силуэт монитора, державшего курс на американский крейсер.

– Спасены! – прошептал Блэк, не отрывая глаз от трубы, и облегченно вздохнул.

Прошло несколько минут. В подозрную трубу видно было, что на «Вашингтоне» разводили пары и ставили паруса.

– Гаук! Отберите ружья и снесите в каюту. Теперь мы спокойно пойдем в Нью-Орлеан. И скажите нашим джентльменам, что по сто долларов они все-таки получат!

Громкое «ура» раздалось на «Диноре», когда Гаук сообщил эту новость матросам.

– Ну, Чайк, радуйтесь! Никого убивать не придется!

Баркас пристал к борту «Вашингтона» и тотчас же был поднят. Вслед за тем «Вашингтон» пошел в море.

Монитор, весь купаясь в воде, с одной небольшой мачтой погнался за ним.

Послышался звук выстрела с монитора. «Вашингтон» не отвечал.

– С якоря сниматься! – весело крикнул Блэк.

Через десять минут «Динора» уже держала курс на Нью-Орлеан. Ни монитора, ни «Вашингтона» не было видно на горизонте.

Ветер заметно стихал, и на «Диноре» были поставлены все паруса, какие было можно поставить.

Чайкин стоял на руле, действительно радостный, что не придется стрелять в людей и что близок час, когда он оставит «Динору» с изрядным запасом денег.

Теперь у него бродили мечты о том, чтобы вызвать мать из России. Деньги на это есть.

Но приедет ли она? Не побоится ли она, никуда не выезжавшая из деревни, одна ехать за океан?

И где он поселится?

Во всяком случае, Чайкин решил воспользоваться покровительством капитана и взять у него рекомендательные письма, которые тот предлагал.

Его тянуло к земле. Там он спокойно заживет.

Такие мысли бродили в голове Чайкина, когда он стоял на руле в этот день, полный для него тревог и неожиданностей.

Ветер стихал. Солнце поднялось уже высоко на голубом высоком небе, подернутом белоснежными перистыми облачками, и порядочно подпекало. Но ветер умерял зной, и не чувствовалось томительной жары.

На «Диноре» прибирались по случаю близости порта. С борта были убраны разные вещи, положенные для прикрытия, подметали палубу и чистили медь. И на всех лицах этой разноплеменной команды светилась радость при мысли, что скоро берег и можно будет после долгого плавания загулять на те сто долларов, которые обещал капитан.

И его теперь не так уже ненавидели. Его даже хвалили, но все-таки никто почти не хотел больше оставаться на «Диноре». Слишком опасно плавать с таким дьяволом. Ему все нипочем!

При этом вспомнили и о том, как поплатился Чезаре.

А Чайкин вспомнил про Сама и сказал Гауку:

– А что Сам?.. О нем и забыли сегодня, мистер Гаук.

– Вы правы, Чайк... Эй, боцман!

Боцман подошел, и Гаук попросил его дать Саму поесть и велел сказать ему, что скоро Гаук сделает ему перевязку.

Боцман скоро вернулся и доложил, что Сам просится наверх.

– Пусть выйдет!

Великан негр вышел испуганный и подставил свою спину под лучи горячего солнца. Скоро, впрочем, он уже радостно ворочал белками, устремленными на берег. О, как жадно он его ждал и как он хотел поскорее уйти с «Диноры»!

– Из-за чего вышло это дело, Сам? – спросил его один из матросов.

– Сам был дурак.

– Отчего дурак?

– Послушался Чезаре. Капитан Блэк – настоящий дьявол. И с ним нельзя шутить! – с каким-то суеверным ужасом проговорил негр.

– А как же ты хотел пошутить?

Сам рассказал то, что произошло в каюте, умолчав, конечно, какую предательскую роль играл он, бывший доносчиком.

– Его никто не убьет! – прибавил шепотом негр. – Он заколдованный. И он все видит в человеке. Он знал, что Чезаре подговаривал нас к бунту и что мы согласились.

– Знал?.. Но как же он мог знать?

– Не знаю. Но он знал. И Чезаре ему перед смертью признался... И как он меня велел кинуть за борт... Я слово сказал... Оно меня спасло.

– Какое слово?

– Миссис Динора... Леди в Сан-Франциско. Она одна может околдовать капитана... Я слышал... Она была его невеста...

Вдруг Сам смолк, и его блестящее глянец чернокожее лицо исказилось ужасом. Из каюты вышел капитан Блэк и увидел негра.

Чайкин взглянул на капитана и обратил внимание на грустное выражение его лица.

«Казалось бы, ему радоваться... „Динора“ уже приближается к рейду, а он вдруг заскучал!» – подумал Чайкин.

А Блэк поднялся на мостик и, обращаясь к Гауку, сказал:

– Как станем на якорь, объявите команде, что она мне более не нужна. Раздадите им деньги, и они могут убраться к черту. До выгрузки пусть останутся только боцман, плотник и вы, Гаук...

– Разве «Динора» больше не пойдет в плавание?

– Я больше не пойду... Я сегодня же переберусь на берег и завтра же вечером уеду во Фриски!

– А «Динору» поручите продать?

– «Динора» ваша, Гаук! Я зарабатывал на контрабанде, а вы по чести заслужили долю барыша. И бриг – ваш барыш. Ни слова больше. Сегодня же вступайте во владение и, когда груз будет сдан, набирайте экипаж и идите куда хотите. Только я отдаю вам бриг с одним условием...

– С каким?

– Перемените его название... Надеюсь, вы согласитесь?

– Разумеется...

Гаук, как настоящий янки, не рассыпался в благодарностях и только сказал:

– Вы мне предложили очень выгодное дело, капитан.

И, стараясь скрыть радостное волнение, протянул Блэку руку и крепко ее пожал.

– Судовые бумаги сегодня же получите от меня! – сказал Блэк и прибавил: – Я пойду укладываться... А вы становитесь на якорь поближе к пристани!

Между тем «Динора» входила на рейд, полный судов, и ровно в четыре часа дня бросила якорь.

Через полчаса началась выгрузка. Блэк тотчас же съехал на берег и немедленно отправился на телеграф.

ГЛАВА X

1

Очутившись на берегу, Чайкин испытывал радостное чувство человека, вырвавшегося на свободу после долгого плена. Вид садов с роскошной зеленью, эти диковинные фрукты, продававшиеся на улицах, – все говорило ему о земле и в первые минуты заставляло забывать, что он один как перст в незнакомом городе. И все его интересовало: и американцы-южане, совсем непохожие на тех янки, которых он видел в Сан-Франциско, и множество военных на улицах, и еще большее количество негров.

На первых же порах его удивило обращение с ними белых людей. Он видел, как надсмотрщик рабочих, рывших какую-то канаву, подхлестывал бичом по их голым спинам и осыпал ругательствами, и Чайкин только на другой день узнал о том, что негры находятся в рабстве и что война между северными и южными штатами идет именно из-за отмены рабства.

Нащупывая по временам на груди спрятанные в мешочке банковые билеты, наш молодой матрос дошел до одной из больших улиц, имея маленький узелок в руке со всем своим имуществом, и, увидав магазин с готовым платьем, зашел туда.

Через полчаса из магазина вышел совсем другой Чайкин, непохожий на прежнего. В новой пиджачной серой паре, с широкополой сомбреро на голове, в накрахмаленной рубашке с отложным воротником, повязанным цветным галстуком, в крепких, на двойной подошве, башмаках, Чайкин имел вполне джентльменский вид, и когда взглянул в магазине на себя в зеркало, то в первую минуту сам себя не узнал – до того изменил его костюм.

В том же магазине, в котором можно было купить решительно все, Чайкин купил дешевые часы в пять долларов, две смены белья, чемодан и револьвер. Засунув револьвер в карман, он в лавке уложил все свои вещи в чемодан и, расплатившись, вышел на улицу, чувствуя себя словно бы независимее и свободнее, снявши свое матросское отрепье, полученное им от господина Абрамсона.

«То-то удивились бы наши ребята с „Проворного“, если б меня увидали!» – подумал молодой матрос, заглядывая в витрины магазинов, отражавшие щеголевато одетого господина.

И он чувствовал себя господином.

Вспоминая ребят, Чайкин словно бы жалел их, что и они не такие же вольные птицы, как он сам, и даже не знают, как приятно быть вольной птицей и не знать над собой гнета. Он понял это всем своим существом и не раз благодарил господ бога в горячей молитве, что он сподобил его сделаться человеком. И вся его жизнь на клипере, где он вечно чего-то боялся, где боцман мог бить его и где сам он казался себе таким ничтожным и в чем-то виноватым, – эта жизнь представилась ему теперь далекой и чужой, хотя тоска по родине временами и заставляла его тосковать и, стоя на «Диноре» у руля, напевать вполголоса свои родные песни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.